

A young man with dark, wavy hair and a serious expression stands in front of a grand, white, classical-style building with multiple columns and windows. He is wearing a light-colored suit jacket over a light blue shirt. The scene is brightly lit, suggesting a sunny day. The building behind him has a balcony with a decorative railing and several windows with blue curtains. The foreground shows a green lawn.

Антон Большемысов

Последний Грэйсворд

АНТОН БОЛЬШЕМЫСОВ
Последний Грэйсворд

«Автор»

2026

Большемысов А.

Последний Грэйсворд / А. Большемысов — «Автор», 2026

Гэрральд Грэйсворд на пороге совершеннолетия стал наследником крупного состояния - плантации и старинного особняка в Порт-Сандере, столице тропического острова Олденир. Ему предстоит побороться - со своей скрытной тётушкой, мистическими загадками, расовыми предрассудками и тайнами прошлого, и среди многочисленных соблазнов встретить ту, единственную, которую действительно стоит любить...

© Большемысов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Антон Большемысов

Последний Грэйсворд

Глава 1

Отец часто говаривал в последние дни, и не поймешь — с горечью ли, с торжеством ли: «На мои похороны никто не придет». Он, как всегда, почти не ошибся.

Тот день был выкрашен в цвет влажного гранита и выжженной ветром травы. На протестантском кладбище Порт-Сандера, у края земли, где пахло нагретым камнем, морем и сладковатым тлением тропических цветов, а камни смотрели в пустоту океана, нас было всего трое. Мы стояли, не веря в эту окончательность, перед простым крестом из выбеленного солнцем тика. Надпись была до щемящей боли лаконичной:

АРЧИБАЛЬД ГРЭЙСВОРД

1942–1984

Трое.

Первый— старый Эдмонд, швейцар. Белоголовый, как альбатрос, с кожей, пропитанной морской солью и временем. Он был старше отца чуть ли не вдвое, но в его прямой спине и спокойном взгляде жила та тихая сила, что переживает бури и династии.

Вторая— Эльвира, служанка. Лет восемнадцать, с лицом румяным, как утренняя зорька, и длиной косой цвета спелой пшеницы. Простая униформа не могла скрыть отточенной, словно у парусного яхтёнка, стройности ее стана — но сейчас она была лишь тенью, тихим призраком скорби.

А третий— я. Семнадцатилетний, ссутулившийся под тяжестью внезапно свалившегося неба. Гэрральд Грэйсворд. Темноволосый, проплакавший свои карие глаза до дна. Наследник.

Но состояние, которое я наследовал, было похоже на старую карту с белыми пятнами. И за него, я смутно чувствовал, предстояло еще побороться — не с внешними врагами, а с тихими шепотами этого города, с тенью отца и с самим собой. И ветер с океана, гулявший меж могильных плит, словно нашептывал: «Смотри в оба, юнга. Настоящее плавание только начинается».

Внешне всё оставалось прежним. Особняк Грэйсвордов по-прежнему стоял на проспекте Александра Вэйнстока-старшего, самой престижной и оживленной улице Порт-Сандера. Он был безупречным и холодным воплощением имперского классицизма прошлого века. Его фасад, растянувшийся на добрых тридцать метров, был прорезан двенадцатью высокими, строгими окнами второго этажа, из которых каждое выходило на небольшой кованный балкончик. Над парадным входом с шестью пологими ступенями из полированного гранита нависал главный элемент этого величия — массивный балкон, который поддерживали четыре исполинские мраморные колонны строгого дорического ордера. Они стояли, словно верные стражи-атланты, отделяя приватный мир дома от суеты проспекта. За его стенами, скрытый от чужих глаз, дышал ароматами магнолий и орхидей тропический сад — наш с Эльвирой и Эдмондом потайной мир.

Но внутри этого великолепия воцарилась странная, парадоксальная бедность. Она не имела видимых внешних проявлений. Напротив, серебро в дубовом гарнитуре сияло, паркет под толстыми коврами лоснился, а в библиотеке отца книги в шкафах до потолка стояли в идеальном порядке. Бедность была иной — звенящей, как тишина в слишком больших залах. Состояние, оставленное отцом, казалось миражом.

— Он всегда доверял банковской системе Империи, и не держал дома ни пенге наличностью — устало вздыхал Эдмонд, поправляя свой всегда безупречный жилет. — А теперь все счета опечатали до выяснения.

Нас спасла лишь странная, почти апокалиптическая запасливость Арчибальда. Крупы, макаронны, консервы и висящие в кладовой окорока напоминали провиант для долгой осады. Мы не голодали, но душа просила иного — свежих фруктов, сладостей, просто чего-то, что не пахло бы пылью и тлением.

И вот однажды взгляд Эдмонда упал на безделушку, что красовалась на журнальном столике — фарфоровую танцовщицу в нелепой, вычурной позе. Я всегда считал ее вопиющей безвкусицей.

— Позвольте, сэр Гэрральд, — сказал он, голосом, в котором слышалась не просьба, а решение капитана, берущего ответственность на себя. — Я нашел покупателя. Среди любителей подобных вещей.

Мой молчаливый кивок был похож на спуск флага. Он ушел и вернулся с невероятной добычей — не с деньгами, а с жизнью: корзинами апельсинов, фиников, сочной дичью. В тот вечер в столовой, под взглядами предков в золоченых рамках, мы устроили пир. Забыли о званиях и сословиях. Я был просто Гэрром, они — Эдмондом и Эльвирой. Мы ели, смеялись, и дорогой рояль в углу молчал, но уже не казался таким грозным.

Потом я помогал Эльвире мыть тарелки. Вода смывала не только остатки трапезы, но и последние следы формальности. И глядя на ее руки в пене, я вдруг предложил, понизив голос, словно мы затевали тайную экспедицию:

— Эльвира... А давайте-ка обобщем кабинет отца. Вдруг найдется еще что-то, что сможет стать нашим пропуском в мир апельсинов и солнечного света?

В ее глазах вспыхнула та же искорка авантюризма, что горела и во мне. Наш корабль еще не сдавался. Он готовился к новому плаванию.

— В кабинете — навряд ли, — покачала головой Эльвира, зная, что все тайны, что хранилась в стенах этого дома. — В спальне можно попытаться. Идем!

И как мне ни хотелось нарушать покой этой комнаты, мы вошли. Она была похожа на законсервированную боль, на склеп, где вот уже несколько месяцев томился дух моего отца. Эльвира, не колеблясь, раздвинула тяжелые портьеры и распахнула створки окна. Шум города — гулкий, живой — ворвался внутрь вместе с косыми лучами заката, которые принялись безжалостно разгонять затхлый мрак и выжигать следы тления.

Я, подобно археологу, вскрывающему гробницу, опустился на ковер и открыл ящик прикроватной тумбочки.

— Письма, — прошептал я, перебирая пожелтевшие конверты. — Это он писал моей маме. Еще до их свадьбы, представь себе! А это... — мои пальцы наткнулись на бархатный футляр. — Их обручальные кольца? Нет, это трогать нельзя.

Затем в моих руках оказался томик стихов, а следом — вскрытая картонная коробочка. В ней, упакованные в сверкающие прозрачные пакетики, лежали странные кольцеобразные предметы.

— Лекарства, наверное? — неуверенно предположил я.

— Ну, почти, — тяжело вздохнула Эльвира. — Но, к сожалению, вашему отцу они не помогли. Это контрацептивы. — И она резко замолкла, прикусив губу, словно поймав себя на слове.

Я же, наоборот, поднял на нее взгляд. Назвать Эльвиру красивой язык бы у меня не повернулся. Обычная. Да, самая обычная девушка, чьей главной привилегией был ее возраст. Встретаться бы я с ней не стал — и дело было не в сословных барьерах и не в том, что я — энгвеон, потомок завоевателей, а она — сундарка, представительница покоренного народа. Просто... круглое курносое лицо, немного раскосые серо-зеленые глаза, абсолютно белые от

рождения волосы, всегда заплетённые в тугую и длинную косу, крупная сильная фигура. И сейчас в её глазах наворачивались слезы.

Я взял ее за руку, ощутив под пальцами слегка шершавую кожу.

— Ну-ка, рассказывай... Мой отец тебя... обижал?

Она покачала головой.

— Нет. Все было добровольно. По моему согласию. Он тогда еще ходил, но уже с тростью. Вы ушли в гимназию. А он... Сказал... «Эльвира... Очень прошу... Так хочется женской любви и ласки... А у меня никого нет... Кроме тебя». — Она говорила тихо, глядя куда-то в сторону, в прошлое. — Для него это был последний раз. А для меня — первый... И, пока, единственный... — её голос дрогнул, и она отвернулась к окну. — Всё было не так, как в романах. Было много боли и растерянности. А в итоге — лишь пустота. Он сказал, что мы пытались зря... что ничего не вышло.

Уши пылали. Мои познания в отношениях полов были крайне смутными, а теперь девушка, лишь ненамного меня старше, обрушивала на меня эту исповедь во всех откровенных подробностях!

— А как... как ими пользоваться? — спросил я, услышав свой голос как будто со стороны.

Эльвира, кажется, ждала и этого. Она взяла меня за руку, в другой сжимая злополучную коробку, и сказала с такой уверенностью, что возражать было просто невыносимо, словно она отдавала самый важный в жизни приказ:

— Идем!

— Куда? — растерялся я.

— В мою комнату.

Благо, идти было недалеко — всего две двери по коридору. Комнатка ее была маленькой, уютной, пахла мылом и свежим бельем.

— Но одно условие, — произнесла она, задергивая шторы на окнах и погружая нас в интимные сумерки. — Мне тоже должно быть приятно.

— Ну... да, — произнес я, и это короткое слово прозвучало как клятва, высеченная на камне.

— Договорились, — ответила она, и мир сузился до пространства между нашими телами.

И я, наследник огромного, замершего дома, повиновался. В тот миг титулы и состояния не значили ровным счетом ничего. Я был просто юнгой, впервые вступающим на берег неведомого, прекрасного и пугающего материка...

— И... что теперь делать? — выдохнул я, задав, вероятно, самый нелепый вопрос в своей жизни. Сердце еще колотилось, отступая от бешеного галопа, а сознание, медленно возвращаясь в привычные берега, пыталось осмыслить случившееся.

— Ну, завтра Вы собирались поступать в университет, — ее голос прозвучал сонно и убаюкивающе. Последние слова потонули в дремоте, куда я последовал за ней почти мгновенно.

Образование. Отец, пока был жив, вколачивал в меня его ценность с тем же упорством, с каким надсмотрщики вбивают в рабов понятие о покорности. И надо признать, преуспел. Его наставления были отточенными афоризмами, выверенными на собственных ошибках и разочарованиях.

— Семья? — говорил он, откладывая в сторону газету. — Это всего лишь люди. А люди, увы, смертны. Как... твоя мать. Или могут стать беспомощным грузом, как я. Капиталы? Мираж. Сегодня ты купаешься в золоте, а завтра биржевая лихорадка обращает его в пыль. Я могу назвать тебе с десятков имен среди бывших друзей. Кстати, о друзьях. Друзья? Нет и еще раз нет. Друг — это тот, кто еще не получил достаточно выгодное предложение, чтобы тебя

предать. Только образование. Только знание. Это единственный актив, который не подвержен инфляции, не ржавеет и не может быть украден. Оно остается с тобой в тюрьме, в нищете, на смертном одре. Говорят, даже люди, потерявшие память, порой вспоминают строки из Гомера или законы физики, хотя и не могут назвать собственного имени.

Таким образом, наш дом больше походил на академию или, если сказать иначе, на крепость, чьим главным оружием были знания. Тяжелые фолианты в кожаных переплетах на полках от пола до потолка — это был не декор для создания респектабельного фона, а настоящий арсенал. Мы их штудировали, спорили над ними, они были нашими собеседниками и учителями. Даже в свой последний день, когда дыхание стало даваться с хрипом и болью, отец приказал Эдмонду подать ему трактат Монтескье — в тщетной надежде найти в мудрости Просвещения хоть какое-то противоядие от несправедливости собственного конца.

Похоронив отца, я не отказался от его заветов. Я лишь переосмыслил их. Чтобы управлять миром, который, как учил отец, полон предателей и иллюзий, нужно было вскрыть его главные механизмы. И лучшего инструмента для этого, чем экономический факультет Университета Порт-Сандера, я не видел. Ведь что такое экономика, как не наука о том, как превратить все в мире — землю, ресурсы, да и самих людей — в понятные, управляемые и приносящие дивиденды активы? Это было высшим применением отцовского принципа: знание — это власть.

Вступительные экзамены я сдал легко, будто щелкал орехи. Но главное ждало впереди: осенью, в конце сентября, мне должно было исполниться восемнадцать. И в этот же день будет ровно три месяца спустя после смерти отца — магический срок, позволяющий вступить в права наследства. Свои планы, пока еще непроглядные, как осенний порт-сандерский туман, я обсуждал с Эльвирой, когда мы наконец-то добрались до кабинета отца.

Именно там я совершил находку. Вернее, две. Одна была спрятана внутри другой.

Большая, на первый взгляд ничем не примечательная книга стояла на самой верхней полке, куда я в детстве не мог дотянуться. Пришлось приставить лестницу. Переплет был тяжелым, темным, с потускневшим золотым тиснением:

«Древний восточный трактат о любви в переводе д-ра Андерсена»

Любопытство пересилило. Я раскрыл книгу посередине, и от неожиданности увиденного чуть не сорвался со ступеней. Но еще до того, как я успел сообразить что-либо, из книги выскользнул изящный цветной прямоугольник. Он описал в воздухе легкую дугу и упал к ногам Эльвиры.

— Десять крон? Настоящие? Я просто никогда не видела, — призналась она, подобрав банкноту с благоговейным страхом.

Я тоже видел такую сумму — наличностью, а не записью на банковском счёте — впервые. Осторожно спустившись, я взял у нее из рук хрустящую бумажку, в другой руке сжимая загадочный том.

— Ну да. Настоящие, — заключил я после беглого осмотра. Водяные знаки проступали на свет, герб Империи переливался радужными бликами, а мелкие буквы девиза «Virtute et Lege» — «Доблестью и законом» — четко читались под лупой. Она хрустела с характерным, слышанным лишь в рассказах, звуком.

— Это много? — спросила Эльвира, глядя на банкноту широкими, изумлёнными глазами.

Я кивнул. Если бы я решился на предательство и отвез ее на невольничий рынок, можно было бы выручить лишь раза в два-три больше. Отец платил за мое годовое обучение в гимназии примерно вдвое меньше. Старый, потрепанный автомобиль... да, пожалуй, можно было бы найти и за эти деньги.

— По крайней мере, нам точно хватит, — сказал я тогда, хотя в этих словах было больше надежды, чем уверенности.

Десяти крон, конечно, не хватало, чтобы вернуть дому былое величие, но они стали канатом, что позволил нам выбраться из финансовой пропасти. Утром я сел в дребезжащий трамвай и под его меланхоличный перезвон ехал в наш провинциальный храм науки — университет, к старым книгам, мелу и пыли надежд.

И здесь, под этими сводами, мир чётко разделился для меня на два берега, как будто Сура, наша мутная река, протекала не через остров, а прямо через учебную аудиторию.

На одном берегу стоял Фицджеральд Энквист. Он появлялся в бастионе знаний редко, словно яхта, зашедшая в порт пополнить запасы. Его безупречные костюмы пахли не пылью учебников, а океанской свежестью и дорогим табаком. Он не учился — он снисходил. Его улыбка была холодной и ровной, как полированная палуба, а взгляд скользил по людям, как по предметам интерьера, оценивая их стоимость. Рядом с ним вечно маячил Элвис — тень без собственного контура, живое эхо. Он ловил каждое слово Фицджеральда, как чайка — объедки за кормой, и повторял их с таким благоговением, будто это были не глупые шутки, а священные тексты. В их компании всегда стоял стеклянный, безвоздушный смех — смех людей, которым никогда не было холодно, голодно и страшно. Они были с другой планеты, где гравитацию заменяли деньги и происхождение, а честь измерялась толщиной кошелька.

На другом берегу, в самом низком тесном трюме нашего общего корабля под названием «университет», обитал мой старый знакомый ещё по гимназии, Лайам Кольер — парень с огненно-рыжими волосами и насмешливыми глазами, который и вовсе ходил на пары пешком, покупал одежду в «second-hand», а чем он питался и вовсе оставалось загадкой для современной науки.

Но была в его аскетичном мире одна роскошь, одна необъяснимая статья расходов. Каждый четверг, ровно в полдень, он исчезал. Я застал его как-то в этот час у киоска в университетском сквере — он выкладывал на прилавок последние медяки, чтобы купить тоненький литературный журнал «Островные веяния».

— Обязательное чтение? — поинтересовался я, глядя на скромную обложку.

— Скорее... навигация, — ответил он как-то смущённо, чего за ним я не водил. — Здесь печатают одного автора. Клару Рид.

И, словно оправдываясь за эту слабость, он раскрыл журнал на закладке и прочёл вслух строчку, так тихо, что слова почти потонули в шуме фонтана:

«...И лодка, пропахшая смолой и надеждой, целует причал, как губы любимой, — на миг, навсегда, до последнего шторма...»

Он говорил не о поэзии вообще — он говорил о ней. В его голосе звучало не критическое оценивание, а почтительное изумление, с каким моряк, знающий каждый шквал, смотрит на идеально сложенный парус, сшитый кем-то другим.

— Она учится на филфаке, — добавил он уже буднично, пряча журнал в потрёпанную папку. — Её эссе по «Энеиде» цитировал наш профессор лингвистики. Говорит, у неё «стиль, высеченный из гранита и северного сияния».

Я тогда лишь кивнул. Для меня она была лишь именем, красивой абстракцией. Но для Лайама, чья жизнь была скрупулёзным расчётом каждой пеньге и каждого часа, эта девушка стала «маяком» — точкой отсчёта в тумане обыденности, символом другого, высшего порядка, где правят не цифры, а слова, выстроенные в безупречную, ледяную гармонию. Он никогда не подходил к ней, не пытался заговорить. Он лишь покупал журналы, читал строчки и, как мне потом случайно довелось увидеть, на полях своего конспекта по макроэкономике тончайшим карандашом выводил не формулы, а профиль «с чертами, достойными античной камеи» — как он сам однажды обмолвился. Это был его тихий, абсолютно безнадёжный ритуал, его способ оставаться человеком в мире, который пытался превратить его в вычислительную машину.

В день совершеннолетия Лайама, я, единственный из всей группы, решил нанести ему визит. Его комната в Лэдской деревне — беднейшем районе города, напоминала каюту

корабля, потерпевшего крушение: книги, груды бумаг и один-единственный стул и маленький стол.

— Извини, дружище, — с какой-то трогательной торжественностью протянул он мне бутерброд с чудом как возникшим в его вселенной куском колбасы, — но на этом смена блюд в моем сегодняшнем меню заканчивается.

Я взял бутерброд, зная, что эта колбаса, возможно, стоила ему вечера без ужина. Мы сидели на полу, застеленном газетами, и пили дешевый чай, а за окном грохотал трамвай, тот самый, что утром вез меня из моего «заброшенного дворца» в этот мир простых и таких сложных вещей.

В общем, коробка конфет, принесенная мной в качестве подарка, оказалась как нельзя кстати. Она легла на его единственный столик, словно сундук с сокровищами посреди аскетичной кельи ученого отшельника. Но Лайам, всегда державший свою гордость выше желудка, попытался отнекиваться:

— Зачем тратился? Ты же с меня теперь потребуешь ответный подарок. Через неделю, верно? На свое вступление во взрослые права.

В его голосе сквозила не скарденность, а почтительное отношение к ритуалу дружбы, которое было для него важнее содержимого любой коробки.

— Ну да, — кивнул я, обводя взглядом его главное богатство — заставленные книгами полки. — И ты мне подаришь... ну, например, «Рассуждения о праве» Вэйнстока.

Мой палец указал на толстый том в потертом кожаном переплете.

— Это же первое издание? — уточнил я с деланным любопытством. — Видимо, времен Революции?

Лицо Лайама исказилось гримасой подлинного ужаса.

— Нет, проси что угодно, только не это! — он инстинктивно прикрыл рукой корешок книги, словно защищая первенца. — Это... это у меня от прадеда...

Я не выдержал и рассмеялся, глядя на его искреннее отчаяние.

— Ладно, ладно, шучу я. Тогда подпишешь мне открытку. Самую дешёвую. А мои потомки лет через сто всё равно выставят ее, и с аукциона вырчат за твой автограф пару тысяч крон.

Он икнул, но в глазах его мелькнуло облегчение, смешанное с благодарностью. В тот вечер, сидя на полу и деля пополам последнюю конфету из моей коробки, я смотрел на него и был абсолютно уверен: Лайам чего-то добьется в этой жизни. Его упорство, его ум, горевший даже в этой полутемной каморке, и его непоколебимая, хоть и бедная, честь были надежнее любого банковского счета.

И, как показало будущее, я не ошибся. Та открытка с его подписью так и не дождалась аукциона. Она навсегда осталась со мной, закладкой в той самой книге Вэйнстока, которую он, став известным юристом, все-таки подарил мне на полувековой юбилей, переступив через боль расставания с семейной реликвией. Но это уже была совсем другая история.

Но пока вернемся к той, другой книге — что была куда интереснее любых университетских фолиантов.

Моя жизнь обрела свой, странный, но четкий ритм, подобный дыханию спящего великана — нашего города. Утро я отдавал постижению азов экономической науки и всего того, что прилагалось к ней в солидном университетском курсе. Это был мир цифр, сухих теорий и железной логики, где все подчинялось предсказуемым законам.

Время после обеда принадлежало Лайаму. Мы пропадали либо в губернаторской библиотеке, с ее гробовой тишиной и запахом столетий, либо в его каморке, которая по плотности книг на квадратный метр могла поспорить с любым архивом. Мы готовились к семинарам, спорили до хрипоты над параграфами, которые лекторы пробегали скороговоркой, и пили самый дешевый чай со вкусом пыли и упрямства.

А вечером... Вечером, после ужина старый Эдмонда с его вечной озабоченностью и ворчанием, запирает тяжелую дверь особняка и уходит к своей семье. И гулкий дом с этого момента принадлежал только нам двоим. Мы с Эльвирой кутались в огромный, шерстяной плед, создавая наш собственный, отдельный мирок. «Древний восточный трактат о любви» стал для нас не столько инструкцией, сколько ключом, открывавшим новые грани доверия и близости друг к другу. Мы обсуждали его картинки, и её реакция была самой честной картой этой неизведанной территории.

Одни иллюстрации вызывали у неё смущённый смех и одобрение.

— А если использовать... ореховый стол в кабинете? — предлагала она с озорными огоньками в глазах.

Но были и другие страницы. Её палец резко тыкал в одну из иллюстраций, а голос становился ледяным и формальным.

— Нет, только не это. Это выглядит жестоко, — говорила она, и это было не обсуждение, а граница, которую я не смел переступать. Её отказ был для меня законом. Однако к следующей иллюстрации, что вызвала жгучий интерес уже у меня — она отнеслась с любопытной нейтральностью. Её взгляд стал изучающим.

— Ты действительно этого хочешь? — тихо спросила она, и в голосе не было отказа, лишь желание понять.

— Ну... да, — выдавил я, выдавая одну из последних остававшихся между нами тайн. И густо покраснел, будто мы не были обнажены и не знали друг друга наизусть.

Она восприняла это не как смущенный лепет, а как техническое задание. В ту ночь новая глава «Трактата» была не просто прочитана, но тщательно и с обеих сторон освоена на практике. Мы засыпали, переплетенные в прямом и переносном смысле, в своем маленьком мире, отгороженном от всего пледом и взаимным доверием.

А на следующее утро нас разбудил не дребезжащий будильник и не солнечный луч, а нечто иное. Резкий, знакомый до боли скрипучий голос, разрезавший утреннюю дрему, как нож маслом:

— Ну, этого в принципе и следовало ожидать.

На пороге спальни, застывшая подобно суровой мраморной кариатиде, стояла Агнесса. Моя тетка. Она наконец-то вернулась из своего долгого путешествия на континент, где её и застала весть о смерти моего отца. Её пронзительный, холодный взгляд скользнул по нам — спящим в обнимку, едва прикрытым простыней, в комнате, где витал сладкий, густой запах нашей ночи. В её словах не было ни удивления, ни гнева. Лишь ледяное, почти удовлетворенное предсказание, сбывшееся с пугающей точностью.

Сказка кончилась.

Глава 2

Агнесса. Пожалуй, стоит рассказать об этой уникальной женщине подробнее.

Из нее могла бы получиться блестящая плантаторша — умная, решительная, безжалостно практичная. Но, как говаривал мой отец: «Есть много способов добиться успеха, но самый надежный — родиться в нужной семье и, что немаловажно, на правильной позиции в ее иерархии».

Агнесса родилась на катастрофически неудачной позиции. Мой дед Оливер, в то время как его супруга вынашивала мою мать, счел нецелесообразным обременять себя воздержанием. С полного, и, впрочем, молчаливого согласия бабушки, он взял в наложницы юную и прекрасную рабыню. Плодом той связи и стала девочка-метиска Агнесса.

Ее судьба была предрешена: служанка-наперсница при своей сводной сестре. Но девочка оказалась невероятно сметлива. Она не просто помогала моей матери учить уроки — она училась вместе с ней, впитывая знания как губка. И когда пришло время моей матери отправляться за океан, в престижный медицинский университет в метрополии, Агнесса поехала с ней. И до сих пор остается загадкой, кто же из них усерднее просиживал над анатомическими атласами. В итоге, дедушка оплатил высшее образование и своей незаконнорожденной дочери. В Порт-Сандер вернулись не один, а два высококлассных дипломированных специалиста.

Но... Это же была столица расистов всей нашей империи — Порт-Сандер, провинция Олденир... Мать устроилась в лучшую городскую клинику, сияя в обществе своим положением. Агнесса же, чья светлая кожа и происхождение закрывали для нее двери в официальную медицину, без лишних слов взяла на себя то, чем до нее никто не занимался всерьез, — врачевание наших рабов. Она в любое время суток, в зной и в ливень, принимала роды, вправляла вывихи, вырезала аппендициты прямо в каморке управителя. Именно она, проявив железную волю, провела поголовную вакцинацию от оспы, кори и полиомиелита. И когда двадцать лет назад по острову прокатилась страшная эпидемия, наша плантация осталась почти нетронутым островком — живым памятником её уму и решительности.

Ее муж, управляющий имением, человек «чистых» кровей, но без состояния и предрасудков, был сражен ее красотой и этой самой решительностью. Но лет около шести назад он трагически погиб, и бразды правления перешли к дядюшке Георгу, о котором будет сказано чуть позже.

Для меня же она всегда была чем-то большим, чем сводная тетка. Она была стратегом, инженером человеческих душ и тел. Говорили, что у неё есть дети. Я их никогда не видел, не знал, где они и чем занимаются, да и особо не интересовался...

Агнесса лишь пятнадцать минут как переступила порог дома, а воздух уже успел застыть и стать колючим. Эльвира... снова была просто служанкой. В своей черной, отутюженной до хруста юбке, безупречной белой блузке и лаковых туфельках. Ее волосы были убраны в толстую, традиционную для сундарских девиц косу — она наотрез отказывалась менять ее на изящный узел энгвеонских женщин, и эта маленькая деталь ее неповиновения всегда меня тайно восхищала. Сейчас же, с подносом в руках, она разливала по чашкам кофе с таким врожденным изяществом, что, казалось, не обслуживала нас, а совершала древний ритуал. И это невыносимое достоинство, видимо, бесило тетку больше всего.

— Ты свободна, дорогая, — сладковато произнесла Агнесса, когда Эльвира закончила. Но та, сделав легкий реверанс и уже направляясь к двери, замерла от ее следующей фразы, смысл которой был для меня совершенно не понятен: — Да, и... после всего того, что у тебя было с молодым господином... раз уж не желаешь носить приличную прическу, как все поряточные дамы... то заплетай две косы. А не одну. Ты уже не девочка!

— Но я и не замужем... — тихо, глядя в пол, попыталась возразить Эльвира.

— Иди отсюда, нахалка! — тетка вспыхнула, и ее лицо залилось густой краской. Она повернулась ко мне, драматично вскинув руки. — Нет, Вы видели это? Замуж она собралась...

— Тетя... — начал я, пытаюсь вложить в голос всю власть хозяина дома, но получился лишь сдавленный, юный звук.

— Не продолжай, — отрезала она. — Я только что вернулась. Узнала о смерти мужа моей сестры. Приезжаю выразить соболезнования племяннику и застаю... это. Мило. Очень трогательно.

— Я имею полное право... — не смог договорить я, чувствуя, как горит лицо.

— О, не сомневаюсь! — Агнесса коротко и сухо рассмеялась, будто рубанула воздух. — Твое право спать с кем угодно из своей собственности меня не волнует, поверь. Хотя, должна сказать, вкус у тебя... специфический. — Она встала и заходила по столовой, ее шелковое платье гневно шелестело. — Но в семнадцать лет, через месяц после смерти отца, устроить в его доме такой... карнавал. Это даже не распушенность. Это — дурной тон. И верх глупости. — Она резко остановилась и пронзила меня взглядом. —... Эта девица. Ты хоть понимаешь, с кем делишь ложе? Ты думал головой, или только тем, что ниже?

Отчаяние и желание отбиться любой ценой подсказали мне первый попавшийся ответ:

— Прости, тетя. А были какие-то другие варианты? — выпалил я, и в ту же секунду почувствовал укол стыда. Это был элемент предательства. Я, даже не осознавая до конца, был готов отмахнуться от Эльвиры, как от неудачного выбора, и списать все на отсутствие альтернатив.

Но, к моему удивлению, этот слабый аргумент попал в цель. Агнесса вдруг замолчала. Ее гнев будто испарился, уступив место холодному расчету. Она медленно вернулась к столу, села и отхлебнула кофе, отставив чашку с тихим стуком.

— Знаешь... Пожалуй, ты прав. — ее голос стал тише и приобрел задумчивые, почти интимные нотки. — Мы с твоим отцом как-то обсуждали один вариант... Правда, не по этому поводу. Видимо, пришло время воплотить его в жизнь. Через недельку.

«Через недельку» — эта фраза тетушки звенела в моих ушах навязчивой и тревожной загадкой.

— Ну, вы хотя бы... предохраняетесь? — бросила она на прощание и, увидев мой смущенный, но уверенный кивок, резко развернулась. Эдмонд поймал ей такси, и она умчалась на вокзал, дабы успеть на узкоколейку, что вела в наше родовое имение — место, от которого после смерти отца нас отделяла стена загадочного молчания.

Жизнь, казалось, вернулась в привычное русло: лекции, дружба с Лайамом, тайные уроки из «Трактата» с Эльвирой. Появились и планы: скромно отметить совершеннолетие и наконец-то вступить в права наследства. Но десять крон таяли на глазах.

— Мы всё равно найдём, чем накормить Вашего друга, господин, — успокаивал меня Эдмонд, а Эльвира утвердительно кивала.

Наконец тот самый день настал. Вернее, то утро. Эльвира, будто что-то предчувствуя, выскользнула из-под моего одеяла за полчаса до рассвета. И разбудил меня не будильник, а громкий топот сапог со шпорами и крики, долетавшие даже сюда, на второй этаж:

— Дядюшка Георг! — это Эльвира восторженно приветствовала нежданного гостя.

— Крестница! Какая большая да красивая выросла! Вот здорово. А я болел... чуть не помер. А эта шарлатанка Агнесса, которая и так никому не помогает, ещё и на континент умотала... А где мой... племянник? Дрыхнет, небось?

Дядюшка Георг... Как и Агнесса, он был метисом — плодом связи моего деда уже по отцу с рабыней. Эта капля «не той» крови навсегда закрыла для него двери в высший свет, но распахнула дорогу в управляющие. Он знал поместье как свои пять пальцев, был хитер и жесток ровно настолько, насколько того требовала его должность.

Но главный его талант, о котором в городе и не догадывались, заключался в умении ладить с сундарами. Они его слушались беспрекословно. Любую искру недовольства, любой ропот он умел потушить в зародыше, не прибегая к кнуту или карцеру. У него был свой метод — он знал всех по именам, помнил об их детях и бедах, был крестным отцом для половины деревни, а другая половина каким-то непостижимым образом приходилась ему троюродными племянниками. Его авторитет был не напускным и не указным, а словно вырос из самой земли, и потому был непоколебим.

Мы терпели его за эффективность, но в гостиной с портретами предков он смотрелся столь же чуждо, как сорная трава на паркетном полу. Больше всех его не выносила Агнесса... и эту неприязнь она усердно прививала всем остальным.

И, надо сказать, было за что. Грубый, неотёсанный, в его речи то и дело проскальзывали словечки, немислимые в приличном обществе. Полная противоположность моей чопорной тётке. Их неприязнь была обоюдной и яростной. Но... он хотя бы отдавал себе отчёт в своих недостатках. И порой — признавал их. Ходили слухи, что он яростно выступал против вакцинации. «Мошенничество это! Ты хочешь нас отравить!» — кричал он, не подпуская Агнессу к себе, жене и двум сыновьям. Пока эпидемия не забрала у него супругу. Он долго горевал, осознал ошибку, пришёл к отцу. О чём-то договорился. И когда его дети подросли, отец отправил их учиться на континент — в тот же самый университет, где когда-то получали ремесло Гиппократов мои мать и тётка. «Вот вернутся — и покажут всем, что такое настоящая медицина! Без шарлатанства!»

Но сыновья почему-то не вернулись.

И да, было ещё одно, ключевое отличие. Агнесса, при всём царившем на острове расизме, была вольной. А дядюшка Георг, хоть и управлял имением, числился рабом. Моим рабом.

— Телефоны-то нам отключили, — дядюшка Георг говорил с набитым ртом, разламывая руками теплую булку. — После смерти Арчибальда и без Агнессы ни один платеж не проходит: подписать бумаги некому. И почта заглохла. — Причины, по которым поместье пропало с наших радаров, наконец прояснились. Я смотрел на него: да, неотёсанный, простоватый. Но в его глазах читалась не злоба, а усталая озабоченность. — А меня тут лиса укусила... Заболел я, думал, бешенство, подохну... Ан нет, какая-то лихорадка странная. Два месяца с постели не вставал. А вчера... оброк с отходников собрали, купили бензину, да и махнул сюда. Дай, думаю, хоть каких-никаких гостинцев да денег племяннику привезу!

Эдмонд уже распахнул ворота, и во двор, пыхтя, въехал потрёпанный плантационный грузовик. Мужики, приехавшие с дядюшкой, теперь сновали туда-сюда, внося в кладовые драгоценные в нашей ситуации припасы.

— Да, к вечеру эта шарлатанка... — он спохватился и смягчил выражение, — Агнесса приедет. Ты её сильно не слушай, племянник, ерунду она тебе наговорит. Никогда ничего путного не скажет, — он презрительно хмыкнул, — только умничает да пыль в глаза пускает. Бесовка она, одно слово.

— Я думал... ты шутил, когда назвал мне адрес. «Вэйнстока-старшего, 64». Звучит как пропуск в мир высшей аристократии острова, — Лайам, сняв поношенную шляпу, с почти комическим благоговением вручил ее Эдмонду. Его взгляд скользил по высоким потолкам и дубовым паркетам, словно пытаясь оценить масштаб чужого наследства.

«Это ещё что, — мелькнуло у меня в голове. — Я визитки закажу. Интересно, как будет солиднее с: гербом или просто фамилия и титул?» Вслух же я, получив из его рук обещанную открытку в простом конверте, сказал с улыбкой:

— А, ну так проходи. Становись одним из нас... аристократов. — Я широким жестом пригласил его в глубь особняка, поддерживая шуточный тон.

— Да у меня в роду сплошь угольщики, лесорубы да плотогоны, — фыркнул он, оглядываясь. — И не самые удачливые, к слову. Предки на этот остров сорвались не от хорошей жизни. Кстати, а где остальные столпы общества? Неужели я первый?

— Это будет твой персональный праздник. Театр одного зрителя, — пояснил я. — Но начинается он, как известно, не с вешалки, а с буфета.

— Зря ты все-таки однокурсников не пригласил, — произнес Лайам, когда мы вошли в столовую. Его взгляд, привыкший к утилитарности студенческой забегаловки, с нескрываемым изумлением скользил по столу, что был похож на щедрый берег после кораблекрушения, куда море вынесло все свои дары. Эльвира, словно волшебница, превратила простые деревенские припасы в диковинные яства: дичь, от которой пахло вереском и свободой, пироги, вздувшиеся, как паруса, салаты в прозрачных чашах, похожие на затонувшие сады. — Ого. Это что, фазан?

— Ага. Еще вчера он порхал в окрестных лесах Грэйсворда, — кивнул я. — А насчет однокурсников... Вот ты на свой день рождения позвал... И много кто пришёл? — Я налил ему в бокал темно-рубиновой жидкости. — Попробуй, наше домашнее вино. Его невозможно нигде купить, и, говорят, оно удивительно сочетается с дичью.

— Ну, главное — не сколько пришло, а кто пришел, — парировал Лайам, вращая бокал в руках и вдыхая аромат.

— Что ж, давай выпьем за это. За дружбу, — предложил я, поднимая свой бокал. И про себя подумал: может, хоть в чем-то отец ошибался? Бывает же она, настоящая и надежная?

Но напиток нам в тот вечер так и не удалось.

Дверь в столовую тихо отворилась.

— Госпожа Агнесса, — с лёгким смятением доложил Эдмонд.

— Так пусть проходит к столу, — беспечно распорядился я, совершая тем самым — по неписаным, но железным законам Порт-Сандера — самое вопиющее нарушение этикета. Метиска, даже будучи родственницей, не могла делить трапезу с чистокровными энгвеонами за одним столом! Но... вы уже знаете, как я относился к подобным условностям в последние месяцы. Лайам, если бы его спросили, наверняка брякнул бы что-нибудь вроде: «А я не энгвеон, я лэдсландец... и мне ваш расизм знаете где?» Парадоксальным образом, больше всех за соблюдение этих глупых правил призрачного «приличия» ратовала бы как раз моя тетушка.

В ее руках была солидная кожаная папка, обещавшая неожиданные повороты этого вечера. И едва она переступила порог, с Лайамом произошла разительная перемена. Он засуетился, начал раскланиваться, что-то бормотать о позднем часе, не слушая ни моих увещаний, ни вялых, из вежливости подхваченных тетушкой, попыток его удержать. Он так и не успел попробовать фазана.

К счастью, Эльвира, чуткая к малейшим моим жестам, уже догадалась. Пока Эдмонд с подчеркнутой медлительностью разыгрывал комедию с поиском его старой шляпы, она нашла большой бумажный кулек и ловко, почти незаметно, завернула в него не успевшие остыть бедрышки запеченной птицы. Лайам снова принялся отнекиваться, но я пригрозил, что в таком случае больше ни за что не приду к нему на его следующий день рождения. Угроза подействовала — он, смущенно бормоча, взял свёрток.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулся к Агнессе. Воздух в столовой стал густым и звенящим.

— Итак, тетушка. О чем вы беседовали с моим отцом? — спросил я, глядя прямо на нее. — Думаю, пришло время раскрыть карты. Эльвира, налей госпоже Агнессе вина. Или, может, рому?

— Благодарю, Гэrr, ты, как всегда, чрезвычайно любезен, — ее голос был ровным и холодным. — А говорили мы об очевидных вещах. О том, что мир усложняется. Если раньше на плантации хватало погонщика быков, то сегодня ему на смену приходит водитель грузовика.

А вместе с ним — и механик, способный этот грузовик починить. И этот механик должен уметь читать инструкцию, чтобы по ошибке не залить в бак... скажем так, ослиную мочу вместо бензина.

Она сделала маленький глоток вина, давая мне осмыслить ее слова.

— Если прежде людям хватало костоправа, то ныне требуется дипломированный врач. Мы размышляли и о простой истине: если платить людям за труд хоть немного, они станут работать усерднее, чем под угрозой бича надсмотрщика. Да и на самом надсмотрщике в таком случае можно сэкономить... И что если ничего этого не делать, то однажды конкуренты обойдут нас на крутом повороте, а мы так и останемся у разбитого корыта.

В ее словах звучала не просто деловая хватка, а целая философия, чуждая закостенелому укладу острова.

— Кое-что из наших с отцом разговоров уже потихоньку воплощается в твоём имении. Впрочем, — она отставила бокал и поднялась, — если ты уже не голоден, предлагаю пройти в кабинет. Там мы обсудим все детали. При свете настольной лампы и в окружении книг, которые, уверена, хранят куда больше тайн, чем этот праздничный ужин.

Стол из темного ореха, полированный и молчаливый. Как хорошо, что он не умел говорить и не мог поведать ни о наших с Эльвирой ночных уроках, ни о тех сладостных экспериментах, что проводились на его прохладной, гладкой поверхности. Именно на него, будто на алтарь семейных тайн, легла солидная кожаная папка тетушки.

— Школа для детей аборигенов, — начала Агнесса, раскрывая папку. Ее слова ложились четко, как строки в бухгалтерской книге. — Обычная, семилетка. Она уже работает. Хотя Георг и вопит, что это лишние траты... В действительности это — стимул. Дети тех невольников, что проявляют лояльность, могут учиться там. За наш счет. А самые способные — продолжить образование. Здесь, в Порт-Сандере, в колледже. — Она посмотрела на меня, оценивая эффект. — У нас уже есть свой, не наемный, агроном. Знаешь, во сколько бы обошелся агроном-энгвеон? В двадцать крон в месяц! И это ещё поискать надо. А наш, выращенный и обученный, — вдесятеро дешевле. Уже один этот факт окупает школу. На выходе — зоотехник и ветеринар, получают дипломы весной. Через два года будут готовы юрист и инженер-механик.

Я слушал, пораженный масштабом замысла, о котором я и не подозревал.

— Это... хорошее начинание, — нашел я что сказать. — Но какова моя роль?

— Сейчас объясню. Мы тратим деньги также на проживание студентов в городе, на их питание. Примерно по полкроны в месяц на каждого. И... есть еще один нюанс. Мы после школы почти не учим девушек. Почти. Догадываешься, почему?

— Нет, — признался я, искренне удивленный.

— А сам представь. Девушка из глухой деревни... приезжает в большой город. Совершенно наивная, никем не опекаемая. Чем это обычно заканчивается? — ее голос приобрел оттенок сухой иронии. — Был у нас прецедент. Отправили одну... крестницу того же Георга... учиться на шеф-повара. Она выучилась, готовит, не спорю, превосходно... а потом я застаю ее в постели... хорошо еще, что со своим же племянником. Ну, хоть не чужому досталась!

Я невольно рассмеялся. Тетушка виртуозно обернула щекотливую историю в шутку, и в этот миг мне наивно показалось, что все конфликты между нами исчерпаны и можно говорить начистоту.

— Но вернемся к делу, — ее тон вновь стал деловым. — Этот дом. — Она обвела кабинет взглядом. — Ты представляешь, во сколько обходится его содержание? Один лишь налог — около двадцати крон в год. Вода, электричество... А по сути, живут здесь в лучшее время вшестером, включая прислугу, в двадцати комнатах! Так вот. Почему бы нам не поселить здесь твоих сверстниц? Тех самых девушек, что будут приезжать с плантаций учиться в городе?

Я смотрел на тетушку, не в силах сразу решить — возмутиться мне столь дерзким предложением или восхититься его практичностью. Превратить наш родовой особняк в студенческий

кампус? Стоило лишь представить это, как в памяти всплыли лица однокурсников, которые готовы были на немислимые авантюры, лишь бы на одну ночь проникнуть в женское общежитие университета. А тут... целый цветник под одной крышей, да еще и с моего собственного разрешения?

— Главное — сразу очертить для них жесткие границы, — продолжила Агнесса, и ее голос стал твердым, как сталь. — Никаких вольностей. Ни опозданий, ни посторонних романов. Подъем в строго отведенный час, завтрак — и строем в колледж. Днем они грызут науки. Вечером — наводят порядок в доме, на кухне, в саду. А ночью... — ее губы тронула едва заметная, хитрая улыбка, — здесь все будет зависеть исключительно от твоих решительности и фантазий. И уж теперь-то, племянник, ты не сможешь сказать, что у тебя не было выбора. Кстати, хочешь ознакомиться с первыми кандидатками?

Она, словно карточный шулер, раскладываящую выигрышную комбинацию, выложила на полированную столешницу несколько картонных папок. На каждой — фотография и незнакомое, манящее имя, звучавшее как музыка из иного мира: Эйлин, Мирейя, Аскайя, Элиза, Аркентина, Навсикая, Алоя.

— Вот их личные дела, характеристики из школы и заключение комиссии о распределении по специальностям, — пояснила она, наблюдая за моей реакцией. — Так что, если ты согласен — вот документ на подпись. Договор с колледжем. Через неделю они все будут здесь. — Она протянула мне несколько листов, испещренных казенными фразами, но вдруг одернула: — Погоди! Сначала прочти. Пойми, что подписываешь! Ответ ждут завтра.

Взгляд скользнул по фотографиям, по строкам официальных бумаг, и сознание не могло объять этот головокружительный план. Он был одновременно циничным, практичным и дьявольски соблазнительным.

— Тетушка... это гениально... — выдохнул прозвучавшими искренне, без тени лести словами. — За такое... надо выпить!

Она кивнула, а в ее глазах вспыхнула искра одобрения и общего заговора.

— Конечно. В этот раз — непременно надо.

В ее согласии прозвучало нечто большее, чем просто разрешение на бокал вина. Это было ритуальное скрепление новой, причудливой и опасной реальности, в которую мы вместе ступали.

— Тётя... — я запнулся спустя несколько рюмок, подбирая слова, обращаясь к ней уже не как к родне, а как к штурману, ведущему мой корабль в кромешной тьме. — Скажи честно... я не умру? Не так, как они? Ведь это... фамильное.

Она отставила бокал, и её взгляд стал тяжёлым, как свинцовый отвес.

— Умрёшь, — выдохнула она. В этом слове не было ни злобы, ни утешения, лишь холодная констатация приговора, вынесенного самой природой. — Если пустишь всё на самотёк... лет в сорок. Не сразу. Ты будешь чувствовать, как ветер твоей жизни стихает, а паруса здоровья медленно, по ниточке, рвутся один за другим. Сперва уйдёт сила в ногах... потом голос эха станет чужим... а желание жить — и вовсе покинет тебя последним.

Она сделала паузу, дав мне почувствовать всю тяжесть этих слов, и лишь потом в её голосе пробилась тонкая, стальная нить надежды — та, что она сама и вплела.

— Но... если ты будешь держаться моего курса... слушать мой голос в этой буре... мы сможем оттянуть это до пятидесяти. Украсть у судьбы целое десятилетие. — Она наклонилась ко мне чуть ближе, и в её глазах вспыхнул странный огонёк — не врача, а соучастника. — Именно поэтому я и говорю: не зарывай свой клад в песок будущего, которого может и не быть. Бери своё сегодня. Пока твои паруса ещё полны ветра. Наслаждайся этой жизнью, Гэrrр. Владей, чувствуй, пей её до дна. А я... я буду стоять у твоего штурвала. И сделаю всё, чтобы твоё плавание, каким бы коротким оно ни было, стало ослепительным.

Я смотрел на неё — на это дитя двух рас, пышущее здоровьем и уверенностью, — и хотел верить. Верил. Но в глубине души шевелился червь сомнения: а вдруг в её расчётах есть незаметная глазу трещина? Ошибка, которую не дано предусмотреть ни одному, даже самому гениальному врачу?

— Да, кстати, — её голос вернул меня в реальность, а в уголке глаза дрогнула лукавая искорка. — Насчёт женщин я для тебя ограничений, как врач, пока не устанавливаю.

Глава 3

На следующее утро я проснулся не от голосов, не от инспекции тетушки и не от трезвона будильника. Меня вырвало из сна резкими, чуждыми звуками. Сперва — хрустальный звон бьющегося стекла. Затем — скрежет ломаемого дерева, приправленный сочными, незнакомыми ругательствами. Потом — утробный рев двигателя и скрежет тормозов во дворе. «Господи, да нас что, грабят?» — метнулась в голове единственная логичная мысль. Натянув на бегу первые попавшиеся штаны, я выскочил в коридор.

Там царил тот же непонятный хаос. Незнакомые люди в грубой рабочей одежде сворачивали ковры и срывали тяжелые портьеры с окон, отчего знакомые залы показались голыми и сиротливыми.

— Тётушка, что происходит? — потребовал я объяснений у Агнессы, которую, к счастью, обнаружил тут же. Она стояла посреди этого вавилонского столпотворения и о чем-то говорила с Эдмондом — и я впервые в жизни видел его на втором этаже.

— Ремонт, — сухо отрезала она, окидывая меня оценивающим взглядом. — Ты же не хочешь, чтобы юные прекрасные девы жили в свинарнике, в который твоя... — она на мгновение запнулась, подбирая достаточно язвительное слово, — наложница превратила этот когда-то роскошный дворец?

Я не стал спорить с этой софистикой. Не потому, что считал Эльвиру виноватой в легкой запущенности дома, а потому, что внезапно сам увлекся этим кавардаком, хаосом преобразования. В этом грохоте и пыли была какая-то заразительная, варварская энергия, предвещавшая большие перемены.

— Да, кстати. Вот заказ-наряд на работы, — тетка сунула мне в руки пачку бумаг и дорожную перьевую ручку. — Этот можешь подписывать, не читая. Составлял Эдмонд.

Старый швейцар молча кивнул, и в его глазах я прочел нечто вроде одобрения. И я, не колеблясь, поставил свою подпись — первую из многих, что отныне должны были определять не только судьбу этого дома, но и мою собственную.

— Господин Грэйсворд! Господин Грэйсворд!

Сквозь грохот и скрежет до меня донесся голос Эльвиры, взбегавшей по лестнице. В нем слышалась непривычная нота почтительной тревоги.

— Меня, что ли? — отозвался я, сбитый с толку таким церемонным обращением.

— А что, разве на всём острове остался в живых еще кто-то из Грэйсвордов? — бросила тетка, не отрывая взгляда от рабочих.

— Вам звонок. Я сказала, что вы сейчас подойдете.

Чудо из чудес — телефон, молчавший неделями, вдруг ожил. Бархатный, почтительный голос в трубке известил:

— Сэр Гэрральд, с вами говорит Банк Южных морей. Приносим соболезнования в связи с кончиной вашего отца и имеем честь сообщить, что в связи с вашим совершеннолетием и вступлением в наследство все его счета переоформлены на ваше имя. Не сочтете ли возможным в течение ближайших пятнадцати минут принять агента? Он доставит вашу чековую книжку. Потребуется лишь подпись и паспорт...

Казалось, в этот день я только тем и занимался, что оставлял росчерки на бумаге. Подписывал требования о выплате трехмесячной задолженности по жалованью работникам поместья. Утверждал счета на семена, удобрения, горючее. Выписывал чек таксисту — тот, ярый приверженец наличных, начал было ворчать, но мгновенно присмирел, увидев щедрые чаевые. И, наконец, расписался в другом чеке — в магазине готового платья в самом сердце Порт-Сан-

дера, где меня за полчаса преобразили из заурядного бедного студента в безупречного представителя «золотой молодежи».

— Опа, — тихо, но отчетливо произнес Лайам, когда я, опоздав к началу лекции по экономической теории, все же прокрался в зал и опустился на соседнее место. — А что это с тобой?

— Решил немного побыть богатым. Пока есть возможность.

— Ну, а почему бы и нет? И каковы ощущения?

— Пока не разобрался. Думаю, ты поможешь.

Он не отказался. После пар мы вышли в город и, бродя без цели, зашли в сверкающий стеклом и хромом автосалон. Я и раньше украдкой заглядывал сюда, проходя мимо рядов ослепительно-белых машин, невероятно модных в том сезоне, но столь же недоступных, как лунный свет. Теперь все было иначе.

— У людей на этом острове совершенно нет фантазии, — заметил я, окидывая взглядом это белое стадо. — Это все равно что ездить на холодильнике. Или на электрической плите. Нет. Вот это!

Я подошел к затаившемуся в углу рубиновому кабриолету. «Вантар Оупен-Спорт» — название звучало как заклинание, а характеристики были столь головокружительными и немислимыми, что даже не запоминались.

— Через год все захотят такие, — заявил я и, не колеблясь, расписался под чеком на несколько сотен крон прямо на капоте.

— Может быть, господин пожелает эксклюзивный номерной знак, чтобы выделяться из толпы? — предложил менеджер, извергая очередную банальность.

Мы с Лайамом лишь переглянулись и синхронно рассмеялись.

— Я понял, как это работает, — объяснял я другу, подвозя его к дому на новом приобретении. — Ты просто протягиваешь руку и берешь то, что тебе нравится, из того, что предлагает мир.

Он молча кивнул, и в его молчании было больше вопросов, чем в любых словах. А я, изображая внезапно обретенную мудрость, изрек:

— Но есть одна важная вещь, для постижения которой, впрочем, не нужно быть богатым. Истина настолько проста, что ее следовало бы печатать в заголовках всех учебников. Звучит она так: купить можно лишь то, что продается. И если владелец чего-либо не желает это продавать — оно не станет твоим ни за какие деньги.

В этих словах заключалась вся горькая ирония моего нового положения. Я мог купить машину, одежду, даже лояльность некоторых людей. Но самые главные вещи — доверие, искреннюю дружбу, любовь, не омраченную расчетом, — они не имели ценника и не выставлялись на витринах Порт-Сандера.

Ремонт двигался со скоростью весеннего паводка, сметая на своем пути пыль прошлого. Дом преобразился, словно сбросил тяжелую, ветхую кожу. Теперь в него были вставлены невидимые глаза из идеального стекла, заключенные в белоснежные пластиковые переплеты. Они не пропускали уличный гам и зной, но покорно открывались легким движением руки. Под потолком зажглись светодиодные лампочки кондиционеров — безмолвные стражи, готовые по щелчку пульта превратить комнату в подобие ледяной пещеры. Тяжелые ковры, из которых выбили всю память о пыли, легли на отполированный до зеркального блеска паркет. А старые кровати, тумбочки и древние оконные рамы из полуторавековой лиственницы были аккуратно и без какого-то сожаления распилены и сложены во дворе — на растопку для сауны. Сама же сауна, до сей поры бывшая для меня лишь запыленным мифом, теперь дышала ароматом свежего кедра и раскаленного камня. Уютный диван в комнате отдыха манил прилечь, а за новой дверью искрился свежей плиткой бассейн во внутреннем дворике. Кухня сверкала хромом и

глянцем, новыми плитами, духовыми шкафами и посудомоечной машиной. Но самые разительные перемены ждали в бывшей спальне отца. От прежней комнаты не осталось и следа.

— Письма твоих родителей и их обручальные кольца, — словно читая мои мысли, начала Агнесса, — в сейфе, в кабинете. Там ничего не трогали, кроме окон и подоконников. Ах, да... Компьютерный терминал подключили, как ты и просил. — Она обвела взглядом стерильную чистоту новой комнаты. — И книги из кабинета все перенесли в библиотеку. Чтобы девушки могли... просвещаться.

Она сделала театральную паузу, и в ее глазах блеснула знакомая, хитрая искорка.

— И ты самую, вашу с Эльвирой настольную... тоже.

Ее слова повисли в воздухе, многозначительные и небезопасные, словно она подкладывала не книгу, а зажженный фитиль в пороховой погреб нового уклада. Этот дом больше не был ни отцовским убежищем, ни моим потайным миром с Эльвирой. Он стал чем-то иным — чистым листом, лабораторией, театром для нового действия, режиссером которого была она. Оставалось дожидаться актеров для этой странной, двусмысленной пьесы. А я... я всё еще не понимал, какую роль мне предстоит играть.

В воскресное утро дом затаил дыхание. Даже шум города за новыми стеклами казался приглушенным, словно мир ждал чего-то. И дождался.

К подъезду, с шипением тормозов, подкатил белый микроавтобус. Для чопорной улицы Александра Вэйнстока-старшего это было зрелище столь же диковинное, как появление корабля пришельцев. Двери распахнулись, и на тротуар, словно выпорхнувшие из другой реальности, высыпали семь пар испуганных, широко распахнутых глаз, вбирающих в себя громаду особняка, движение автомобилей и давящее величие чужого мира. Они стояли, сбившись в кучку, такие хрупкие в своих скромных деревенских платяицах, и от них веяло ветром с плантаций, солнцем и беззащитностью.

Агнесса, как полководец, встречающий новобранцев, уже ждала их в вестибюле.

— Разувайтесь, — прозвучал ее первый, не терпящий возражений приказ. — И переобувайтесь в тапочки. Новую обувь и одежду получите позже. После того, как сходите в душ и покупаете.

И пока они, послушные, строились в ряд, я невольно изучал их, этот свежий, трепетный материал, вверенный моему дому. Мой взгляд, приученный к схемам и классификациям, сам того не желая, начал раскладывать их по полочкам, выискивая изъяны и достоинства.

Эйлин. Она была самой младшей и хрупкой. Пятнадцать лет, будущий педагог. Почти ребенок, с огромными серыми глазами и тонкими, словно у лесной феи, чертами. Ее белокурые волосы были шелковистые, вечно выбивались из косы, образуя светящийся ореол. Она теребила их кончики нервными пальцами, и я уловил едва слышный, похожий на комариный писк, напев — простенькую деревенскую колыбельную.

Рядом с ней стояла Мирейя, которая в свои шестнадцать должна была стать ветеринаром. Плотнее других, с открытым, румяным лицом. Но больше всего меня поразили ее руки — крепкие, с коротко подстриженным и ногтями, они не находили покоя, слегка пошевеливаясь, будто продолжая мысленно накладывать повязку на раненного зверя. От нее пахло странной смесью ромашки и полыни.

Взгляд скользнул дальше, на Аскайю. Худая, шестнадцатилетняя угловатая, со светлыми, почти прозрачными волосами, она была намечена в будущие зоотехники. Ее взгляд был рассеянным и будто бы смотрел куда-то сквозь стены, а когда он на мгновение сфокусировался на мне, я заметил легкое, почти незаметное косоглазие. На левой щеке, чуть ниже глаза, темнела крошечная родинка.

Элизе, будущему медику, было восемнадцать — старше всех. Высокая, с идеально прямой, почти военной выправкой, она казалась колонной из розового мрамора. Ее серые глаза

смотрели на мир с тихой, умудренной грустью, а когда Агнесса окликнула ее, она ответила низким, приятным голосом оперной дивы, совершенно неожиданным для ее возраста и внешности.

Аркентина, которая в свои семнадцать лет была определена как будущий бухгалтер поместья, напротив, казалась воплощением жизни. Небольшого роста, круглолицая, с живыми глазами цвета морской волны, она украдкой оглядывала роскошь вестибюля с деловым любопытством, как будто уже составляла смету. Ее движения были поразительно плавны и бесшумны, она не шла, а словно стелилась по паркету, и я поймал ее на том, что она, размышляя о чем-то, прикусила кончик своего языка.

Навиская, шестнадцатилетняя студентка агрономии, была стройной, как тростник, с кожей, пахнущей мёдом и землёй, — словно живое воплощение тех полей, которые ей предстояло возделывать. Ее волосы, спадавшие серебристым водопадом, на концах закручивались в крупные, упругие волны, словно морская пена. Мечтательный взгляд ее серо-зеленых глаз скользил по стенам, а когда она сжала руки в кулачки, я заметил, что кожа на ее пальцах и ладонях чуть шершавая, не городская.

И последней в этом ряду стояла Алоя, пятнадцатилетняя будущий юрист. Ее лицо с правильными, холодноватыми чертами казалось высеченным из мрамора. Прямые белые волосы и светло-голубые, почти ледяные глаза. Ее взгляд был тяжелым, сканирующим, с припущенными веками, выражавшими скупающее превосходство. Когда губы ее на мгновение тронуло что-то вроде улыбки, она обнажила идеально ровные, но чуть слишком крупные зубы, напомнившие мне оскал молодого хищника.

Проводить для них экскурсию по дому было странным и волнующим опытом. Они шли за мной неслышной стайкой, их ступни скользили по паркету, а дыхание замирало при виде просторных залов и библиотеки, выходящей в сад. Я водил их по коридорам, лестницам, показывал их будущие комнаты, и в этих случайных встречах в полумраке перехода рождалось томное, сладкое предвкушение. То одна, то другая, встретив мой взгляд, либо опускала глаза, заливаясь румянцем, как Эйлин, либо отвечала смущенной, но ободряющей улыбкой, как Аркентина. Элиза встречала мой взгляд спокойно и прямо, словно понимая что-то, недоступное остальным. Алоя лишь чуть склоняла голову, и в ее улыбке была тень тайны. Их близость, их запах — свежего пота, мыла и чего-то неуловимого, девичьего — опьяняли.

Но одна тень омрачала этот начинающийся карнавал. Эльвира. Я видел, как она стоит в глубине коридора, прислонившись к косяку, и смотрит на этот «парад невест» с таким ледяным, обескураживающим презрением, что по спине пробежал холодок. Ее губы были сжаты в тонкую ниточку, а в глазах, обычно таких мягких, пылала обида и ревность.

Я нашел объяснение, застав Эльвиру в её спальне. Она не плакала, а с каменным лицом складывала свои немногие вещи в старый чемодан. Этот жест был красноречивее любых упреков.

— И это всё? — спросил я тихо, прислонившись к косяку. — Наше прошлое помещается в один чемодан?

Она резко дернула плечом, не глядя на меня.

— Какое прошлое? Тайны старого дома, который теперь выскоблили до блеска? Меня здесь больше не будет, господин Гэрральд. Даже в воздухе.

— Садись, Эльвира. Пожалуйста.

Она не села, но перестала возиться с чемоданом, уперевшись взглядом в стекло нового, идеально чистого окна.

— Бегство? Самый простой ход. Сделать вид, что тебя и не было. Стереть себя ластиком.

— Что мне ещё остаётся? — выдохнула она голосом хрупкой ноты.

— Остаться чернилами, — сказал я просто. — Которыми написана первая страница этой новой главы. Невидимыми, но несмыаемыми. Они будут жить в доме, который помнит твой смех в пустых залах. Носить платья в комнатах, где пахло твоими духами. Ты можешь уехать в деревню, Эльвира. Сделать вид, что нас никогда не было. Сможешь? Нарушить наш тайный договор, наши правила.

Она горько усмехнулась:

— Правила, я вижу, можно менять. Одну — отправлять в чулан, чтобы освободить место для семи новых.

— Я ничего не меняю, — сказал я, подходя ближе. Я стоял так близко, что чувствовал исходящее от неё напряжение, словно от натянутой струны. — Ты думаешь, для них я сейчас кто? Чужой господин с портрета. Напуганный юнец, пытающийся казаться взрослым. Они видят только дом, деньги, власть. А ты... — я сделал паузу, давая словам просочиться в её сознание. — Ты видела меня настоящего. Испуганного мальчишку у гроба отца. Глупого ученика, который ничего не умел.

Я осторожно положил руку ей на плечо. Она не отстранилась.

— Эти девочки приедут и уедут. Они получают свои дипломы и растворяются в жизни. А ты останешься. Потому что этот дом — не просто особняк на улице Вэйнстока. Это наша с тобой крепость, в которой мы вместе держали осаду. И тайна, которую никто из них не разделит. Ты действительно хочешь променять это на место в комнатку для прислуги в господском доме на плантации?

Она наконец повернулась ко мне. В её глазах уже не было льда, лишь обида и сомнение.

Сказанного было достаточно. Я повернулся и вышел, оставив её одну с её мыслями, с полууложенным чемоданом и с семенами той особой, привилегированной ревности, которая не разрушает, а привязывает ещё сильнее.

И вот, проходя по коридору мимо кабинета Агнессы, я вдруг услышал низкий, пробивающий стены голос:

— Но я ещё... ничего не умею, — робко возражала Элиза.

— Справишься, — уверенно парировала тётушка. — Здесь не больница, тебя не уволят. Ты только учишься. Зато учебные пособия у тебя — живые. Фиксируй все жалобы, приём препаратов... Измерила температуру — сразу в журнал. Малейшая травма — обрабатывай. Что-то серьёзное — вызывай скорую, а до её приезда действуй. Самостоятельно ничего не назначай! И! Чуть не забыла. Следи за женскими циклами всех обитательниц этого дома. И заноси в эту таблицу.

— Но... как? Как узнать, ...у кого и когда?

— Девочки сами придут... за гигиеническими средствами. Остальное — дело техники и пары тактичных вопросов. Ну, давай, иди к себе, а мне ещё с господином Гэрральдом надо увидаться перед отъездом.

Отъездом? Куда? Неужели... свобода?

Мысль не успела оформиться, как дверь распахнулась, и на пороге появилась тётка, не выпуская руку Элизы.

— А вот и сам господин Гэрральд. Лёгко на помине.

— Ну, как она тебе? — спросила Агнесса, когда дверь закрылась за Элизой.

Я почувствовал, как неловко краснею, и пробормотал, глядя в пол:

— Она... впечатляющая. Но я не думаю, что между нами возможно что-то... личное.

— С чего ты это взял? — тетушка подняла бровь.

— В ней чувствуется какая-то твердость. Слишком взрослая и серьезная для меня. Будто я для неё — просто очередная обязанность.

— Жаль, — Агнесса бросила взгляд на свои записи. — С медицинской точки зрения, сейчас у неё самый безопасный период. Ну, что ж... Ладно... Есть ли среди них та, на кого пал твой взгляд? Кто будит в тебе интерес? Которая заставляет сердце биться чаще?

Я молчал, не в силах подобрать слова для смутных, ещё не оформившихся чувств.

— Возможно... — нехотя вымолвил я. — Но я не знаю, как подойти. Что сказать?

Агнесса усмехнулась, но в её глазах не было снисхождения. Был холодный, отстранённый расчёт, как у учёного, объясняющего простое, но неприятное природное явление.

— Ты думаешь слишком сложно, племянник. Ты смотришь на них не теми глазами. Ты ищешь в них изъян или достоинство. А смотреть надо — как на инструмент. Или, если угодно, как на молодых кобылиц. Красивых, резвых, но чья главная ценность — победа на скачках и способность служить хозяину. И рожать ему хороших жеребят для пополнения табуна.

Меня передёрнуло. Вдруг вспомнился дядюшка Георг, с которым я как-то в детстве завтракал на конюшне. Он, разламывая хлеб, так же рассуждал о лучшем времени для случки кобыл и о том, какого жеребца к ним подпустить. Сейчас тётка говорила о юных девушках с точно таким же, хозяйским спокойствием.

— Я... я не дядя Георг, чтобы думать о приплоде, — пробормотал я, и голос мой прозвучал слабее, чем хотелось.

— Именно поэтому я и говорю с тобой об этом, — её голос приобрёл стальные нотки. — Потому что плохо не тогда, когда хозяин вступает в связь с рабынями. На этом свет держится. Плохо — когда от этих связей получается... ненужный приплод. Дети-полукровки, не вписанные ни в одну из каст. Проблема. Позор. И лишний рот, счёт за который придётся оплатить тебе. Понимаешь?

Она откинулась в кресле, и её взгляд, уставленный в меня, стал остекленевшим, будто она смотрела не на меня, а в какую-то свою, давнюю пропасть.

— Мой отец, а твой дед, был человеком порывистым и сентиментальным. Я — тот самый «ненужный приплод», Гэрральд. Плод минутной слабости, который всю жизнь приходилось прятать, оправдывать и пристраивать. Меня не принял ни их мир, ни наш. Я — ходячее напоминание о том, как нельзя.

В её голосе не было ни жалости к себе, ни горечи. Лишь ледяная, выверенная годами убежденность. Она говорила о себе как об неудачном эксперименте, ошибке в расчётах.

— Наслаждаться цветами — одно. А разводить сорняки в собственном саду — совсем другое. И я — тот сорняк, который прорвался сквозь каменную кладку и научился выживать. Чтобы больше ни один такой же сорняк в этом саду не вырос. Понял меня? Я не позволю тебе наступить на те же грабли. Не позволю этому дому нести тот позор, который несла я.

Она помолчала, давая мне прочувствовать всю бездну её откровения. Меня не просто подташнивало — передо мной сидела плоть от плоти моей семьи, живое доказательство того, против чего она так яростно выступала. В её словах была какая-то извращённая, страшная логика.

— Но для таких случаев, — продолжила она уже более буднично, как инженер, устраняющий конструктивный недостаток, — есть методы. Простые и надёжные. Во-первых, отвар полыни. Горький, как сама правда, но девушки с плантации пьют его исправно. Он... успокаивает неправильные бури в женском естестве.

Она сделала небольшую театральную паузу, прежде чем перейти к следующему, главному пункту своего инструктажа. Её пальцы легли на таблицу, что она только что показывала Элизе.

— Во-вторых, и это куда вернее, — природа сама дала нам подсказку. Есть в женском цикле дни безопасные и... плодотворные. Первые — для твоих утех. Вторые — для продолжения рода, в который тебе лучше выбрать другую кобылицу. Всю эту кухню будет вести Элиза. Она заносит всё в журнал: температуру, дни, все мелкие жалобы. У неё там свои графики и таблицы.

Агнесса посмотрела на меня с кривой, почти что преподавательской улыбкой.

— Так что не стесняйся, племянник, проконсультироваться у нашей будущей лекарицы. Подойди, спроси: «Элиза, благоприятна ли нынче погода для... одинокой прогулки?». Она всё поймет. Девочка сообразительная. И дисциплинированная.

Она произнесла это с таким ледяным бесстыдством, что у меня похолодело внутри. Она выстраивала целую систему, холодную и бездушную, где физиология девушек становилась предметом учёта, а медицинские познания — инструментом для удовлетворения моих предполагаемых прихотей.

— И, наконец, для полной уверенности... — Она достала из складок платья маленькую, тщательно упакованную картонную коробочку и положила её на стол, между нами, будто пешку на шахматной доске. — Современные, материковые средства. Надёжнее всяких отваров. Я позаботилась, чтобы в твоём кабинете и спальне они всегда были под рукой. В верхнем ящике бюро.

Я смотрел на эту коробку. Это была холодная, расчётливая механика, инвентарь для безопасного греха, санкционированного свыше.

— Ты... ты всё продумала, — выдавил я голосом, в котором прозвучала не благодарность, а горечь.

— Кто-то же должен, — парировала она без тени смущения. — Пока ты предаёшься юношеским метаниям. А теперь слушай... — Её голос вновь смягчился, вернувшись к роли наставницы. — Самый верный способ сблизиться с девушкой — это дать ей почувствовать себя нужной. Не просто желанной, а полезной. Позови её помочь тебе с чем-то важным... Каждой — своё, исходя из её будущей специальности и натуры. Это не покормить с руки, как лебедя. Это дать ей почувствовать, что её мозги и навыки — часть твоего мира.

Она откинулась в кресле, её взгляд стал остекленевшим, будто она перебирала внутренние картотеки.

— Вот смотри. Аскайя, будущая повелительница твоих стад. Отвези её на выставку породистого скота. Для неё, сельской девчонки, это будет как путешествие в столицу. А после спроси невзначай: «Я привёл тебя как специалиста. Какую породу, на твой взгляд, стоит закупить для имения?». Она расцветёт от такой ответственности. Элиза. Поручи ей составить полный список медикаментов и перевязочных средств для моей деревенской больнички. А после — похвали за тщательность. Ей важна полезность, а не только комплименты. Эйлин. Скажи, что думаешь о строительстве новой школы взамен нашей тесной. И попроси её помочь составить список всего необходимого — от парт до книг. Она будет чувствовать, что строит будущее своими руками.

Агнесса сделала паузу, её губы тронула холодная, знающая улыбка.

— Или Аркентина. Дай ей папку с документами от конюшен дяди Георга. Скажи, что чувствуешь — там что-то нечисто, но сам не можешь найти нить. Пусть покопается. Она обожает головоломки и почувствует себя твоим личным детективом. Алоя, юрист. Усади её рядом, и почти незаметно приобними, пока вы вскрываете вместе старые договоры с поставщиками. Попроси найти возможные юридические уязвимости. Она оценит, что ты видишь в ней не девочку, а стратега.

Тётка резко встала, словно закончив краткий, но исчерпывающий инструктаж.

— Суть не в работе, племянник. Суть в том, чтобы она, выполняя её, смотрела не на бумаги, а на тебя. И видела в тебе не просто господина, а человека, который нуждается именно в её уме. Это крючок острее любого комплимента. — Она внезапно замолчала, давая додумать мне перспективы самому. А сама с чемоданчиком в руке устремилась в машину такси, что уже стояла у нашего крыльца.

Эльвира. Мой якорь в этом океане безумия. Как и обещал, она сидела в моей комнате, на диване, удерживаемая моей рукой. И, глядя на неё, я вдруг с жестокой ясностью осознал, что все новенькие девушки были изящнее, стройнее, их красота была громкой и яркой. И то, что она это чувствует, было так же очевидно, как близкое биение её сердца.

— Они тебе хоть помогают? — спросил я, глядя в её глаза.

— Да, пришли, увидели меня и говорят: «Госпожа Эльвира, вы нездоровы? Позвольте, мы приготовим ужин». И как? — в её голосе послышалось искреннее сочувствие. — Приготовили? Получилось?

— Ну... никто не отравился.

— Могли бы Агнессу и отравить, — она тут же прикусила язык, осознав, что выдала лишнее.

— Её нет. Уехала. Так что давай немного изменим правила. Отныне девушки завтракают, обедают и ужинают вместе с тобой и мной. Чтобы лишний раз не накрывать и не убирать. А завтра... давай устроим пир. В честь её отъезда. И новоселья. И нового учебного года.

— И позовём твоего друга, Лайама.

— Непременно. И купим фейерверков.

— Да, но утром мне надо разбудить Аскаю и Алою в шесть. Чтобы помогли с завтраком.

— Да, но это будет утром. Через восемь долгих часов. А сейчас... давай просто побудем вдвоем.

Глава 4

Эльвира, должно быть, и впрямь поднялась с шестью часами. Когда я, завершив утренний ритуал, за пять минут до восьми переступил порог столовой, Аскай и Алоя уже вовсю порхали между столом и буфетом, как две белоснежные пеночки, смущенно и ретиво осваивая азы новой для себя роли. Но ровно в восемь, словно по мановению незримого дирижерского жезла, всё обрело завершенность. Мы расселись — я во главе стола, словно капитан на мостике корабля, чье странное плавание только начинается.

Прочтя краткую молитву, я кивком дал знак к началу трапезы. Но мысли мои витали далеко от благочестия.

Я был не просто зрителем в этом утреннем спектакле. Я — его режиссёр и единственный посетитель, затаивший дыхание. Я — полюс, вокруг которого вращаются эти хрупкие планеты. Создатель сего мироздания, ибо без моего соизволения, без росчерка пера, начертанного под диковинной выдумкой Агнессы, ничего бы этого не было.

Эльвира... Она просто ела. Отрезала аккуратные кусочки бекона, запивала их глотком кофе, и всё её существо старалось излучать полнейшее безразличие к происходящему.

Аркентина. Она вкушала пищу с изумительной, кошачьей грацией, что заставляет следить за каждым движением, затаив дыхание. И когда ее тонкие пальцы разламывали круассан, это было подобно магическому действию — ни единой золотистой крошки не упало на белоснежную скатерть.

Алоя. Я никогда не видел столь отточенных, будто высеченных из утреннего инея, черт. Её лицо было гравюрой, а взгляд из-под полуопущенных век — ледяным лучом, пронзающим пространство. Глядя в эти очи, хотелось одновременно лишиться воли и рухнуть в её объятия, как в пучину.

Эйлин. Она сидела, склонившись над тарелкой, будто пытаясь стать еще меньше, незаметнее. Её тонкие, почти прозрачные пальцы с невероятной осторожностью, словно это была не ложка овсянки, а священный ритуал, подносили ко рту крошечные порции. Её светящийся ореол белых волос сегодня был убран в тугую, но неловкую косу, из которой всё равно выбивались тончайшие шелковистые пряди. Когда она украдкой поднимала на меня свои огромные серые глаза, в них читался не просто испуг, а целая вселенная детской растерянности перед этим новым, гулким миром. Казалось, ещё миг — и она снова запоёт свою тихую, комариную колыбельную, чтобы успокоить в первую очередь саму себя.

Мирейя, напротив, ела с аппетитом, достойным будущего ветеринара, знающего цену хлебу и мясу. Её крепкие, с короткими ногтями руки уверенно управлялись с ножом и вилкой. Румянец на открытом лице говорил не о смущении, а о здоровом кровотоке и, возможно, о внутреннем волнении, которое она прятала за деловитостью. От неё по-прежнему веяло чем-то чистым и травяным — будто она принесла в этот стерильный зал кусочек солнечного луга, где можно без страха перевязывать лапы раненым тварям.

Аскайя сидела рядом, и её рассеянный взгляд, чуть косящий, блуждал где-то между узором на скатерти и собственными мыслями. Она ела механически, будто её сознание было занято куда более сложными вычислениями, чем процесс поглощения пищи. Иногда её взгляд на мгновение фокусировался — на моих руках, на блеске ножа, на свете в окне — и в эти секунды крошечная родинка под её глазом казалась точкой на карте неведомой, загадочной страны.

Навсикая держалась с природной, тростниковой грацией. Её пальцы, чуть шершавые от непривычки к городской жизни, тем не менее, двигались изящно. Она медленно пережёвывала, будто пробуя на вкус не только еду, но и само утро, впитывая его, как её будущие растения впитывают солнце и воду. Серебристые волосы, в этот раз собранные на городской энгвеонский

манер в пучок на затылке, покачивались в такт её дыханию. В её мечтательных серо-зелёных глазах я читал сосредоточенное любопытство — она уже изучала этот новый «ландшафт», и её взгляд, скользя по столу, по нам, казалось, оценивал урожайность этой странной почвы под названием «особняк Грэйсвордов».

Элиза — её «умудрённая грусть» и прямая, как мачта, осанка словно витали в воздухе, напоминая о дисциплине и том особом, почти сакральном знании, которое ей одной было доверено.

И я, готовый, как щедрый монарх, ответить на любой знак, любой робкий вздох, обращенный в мою сторону. А то, что они последуют, в этом я не сомневался ни на йоту. Такова уж природа солнца — притягивать к себе вращающиеся светила!

Завтрак протек в почти благоговейной тишине, нарушаемой лишь тихим звоном фарфора. Затем, словно по незримой команде, все разом поднялись, предоставив Эльвире возглавить битву с посудой — к счастью, на помощь ей теперь приходила сверкающая, могучая посудомойка.

А уже через десять минут все они, как одна, стояли на парадном крыльце, семь белых видений в лаковых туфельках, строгих тёмно-синих юбочках и белых, сияющих невинностью блузочках. Длинные волосы их были убраны в сложные косы или строгие узлы, и каждая сжимала в руках аккуратную папочку с тетрадами. Картина была столь совершенной, что казалась ненастоящей, сошедшей со страниц глянцевого журнала или из сна. Как и было условлено, за ними явилась куратор из колледжа — суровая, полная энгвеонка средних лет, чей взгляд остекленел от вида этого неестественно-идеального вывода, и повела свой отряд на первую битву за знания.

— Девицы! — крикнул я им вдогонку, уже усаживаясь в алую гущу своего «Вантара». Они обернулись, семь пар глаз — испуганных, любопытных. — Троиш из вас, показавших самые блестящие успехи, я буду лично возить в колледж. На этой машине!

Мотор рыкнул в ответ, согласный и мощный. Меня ждали свои собственные пары: философия, логика, математический анализ. Но в душе уже бушевала иная, куда более сложная и увлекательная наука. В сравнении с теми головоломками, что ожидали моего разрешения дома, университетские задачи казались детской забавой. Гораздо сложнее оказалось склонить к визиту Лайама.

— Я, знаешь ли, не мастер навязывать свое общество, — ответил он, с притворной небрежностью перелистывая конспект.

— Если ты опасаясь ответного визита, то будь уверен — да, я явлюсь к тебе в любое время дня и ночи, без предупреждения, — парировал я.

— Что ж, я подумаю, — его тон был упрямым скальным утесом.

— Моя библиотека, разумеется, не может похвастаться первыми изданиями философ-просветителей, — не сдавался я, заходя с другого фланга. — Но кое-какие фолианты способны доставить истинное наслаждение взыскательному уму.

Он ответил лишь молчаливым, церемонным поклоном.

— На столе будет твой любимый фазан. Гарантирую.

Камень не дрогнул.

— И то самое вино с нашей плантации, что составляет с ним идеальный дуэт.

— Вообще-то, я не большой ценитель, — отрезал он, но в его голосе уже не было прежней стальной уверенности. И тогда я выпустил свой последний, самый сильный козырь. Слегка наклонившись, так, что наши плечи почти соприкоснулись, я произнес чуть слышно, вкрадчиво и многообещающе:

— И подавать эти яства будут тебе самые прекрасные создания, каких только можно встретить в этой части Галактики.

И тут его лицо изменилось. Маска равнодушия дала трещину, и сквозь нее проглянуло живое, жадное любопытство. Он медленно повернулся ко мне, и в его глазах читался внезапный интерес, смешанный с недоверием.

— Я не до конца понимаю, что ты подразумеваешь, — произнес он уже совсем другим тоном, сдавленно и заинтригованно. — но мы едем!

— Навсикая, будьте добры, подлейте вина моему другу и положите ему фазанье бедрышко, — обратился я к той, что еще полчаса назад была лишь студенткой, а теперь, в паре с Аскаей, смущенно и старательно раскладывала яства передо мной, Лайамом и составившими нам компанию остальными девушками.

Она кивнула, и движение ее руки, наливающей рубиновую влагу в бокал, было исполнено такой природной грации, будто она не служанка, а жрица, совершающая древний обряд.

— И они все... твои? — тихо, так, что лишь я один расслышал, прошептал Лайам голосом, к которому читался не столько укор, сколько потрясение от масштаба открывшейся ему картины.

Я лишь молча кивнул, позволив на мгновение задержаться на лице выражению смиренной, но несомненной власти над этим фактом. В глазах друга читалась настоящая буря — смесь изумления, неодобрения и какого-то темного, запретного любопытства. Но Лайам был исследователем по натуре, и он, кажется, решил изучить этот странный феномен со всей возможной научной обстоятельностью.

Когда мы переместились в библиотеку, я приоткрыл Лайаму основные пункты замысла Агнессы, опустив, разумеется, щекотливые подробности вроде «ночной барщины» и составленной для моего удобства «таблицы безопасности». И в тот момент, когда Лайам начал видеть в моей тетушке черты прогрессивного деятеля, вроде самого Александра Вэйнстока, чьим именем названа наша улица и чьи труды он боготворил, — дверь бесшумно отворилась. На пороге стояла Аркентина, прижимая к боку тонкую стопку тетрадей. Увидев нас, она замерла, и тень смущения скользнула по ее идеальным чертам.

— Ой, простите... — прошептала она тихим перезвоном хрустала. — Я хотела уроки делать...

И она уже сделала шаг назад, чтобы раствориться в коридоре.

— Нет-нет, — мягко, но властно остановил я ее. — Ты нам не мешаешь. Даже наоборот.

— Мы можем тебе помочь! — с неподдельной радостью воскликнул Лайам с живой готовностью, заставившая Аркентину замереть вновь и робко улыбнуться.

— Садись! — жестом пригласил я ее в полукресло у стола. — Рассказывай! Чем вас сегодня осыпали преподаватели?

Она робко опустилась на край сиденья, достала тетрадь в скромном картонном переплете и, заливаясь румянцем под пристальными взглядами двух юношей, неуверенно начала:

— Мне нужно рассчитать точку безубыточности для цеха по переработке... — ее бархатистый голос дрогнул. — Формулы в учебнике есть, но я совершенно не понимаю, как строить этот злополучный график для нескольких продуктов сразу...

— Так это же классическая задача на маргинальный анализ! — воскликнул я с неподдельным восторгом, чувствуя, как сама судьба протягивает мне нить, за которую стоит ухватиться.

— Именно! Мы как раз сегодня разбирали это на матане, — тут же подтвердил Лайам, его глаза загорелись азартом. — Помнишь, Гэрр, мы выводили эти формулы с предельными издержками?

Я уже схватил остро отточенный карандаш и, начертив на чистом листе уверенные оси координат, начал водить его острием по бумаге:

— Смотри, Аркентина, здесь каждый продукт — это своя собственная линия, своя судьба на этом графике...

Прошло несколько минут, и тихое гудение библиотеки сменилось легким, нарастающим шумом. Дверь приоткрывалась снова и снова, и вскоре пространство между стеллажами наполнилось другими девушками, которые, прослышав о происходящем, робко столпились в надежде, что «молодые господа» прольют свет и на их собственные учебные терзания.

— Вы так замечательно объясняете... Особенно математику, — прошептала Эйлин, оказавшись до неприличия близко, что я чувствовал тонкий аромат клубничного мыла и свежести, исходивший от нее. Она игриво крутила кончиком своей белоснежной косички прямо у меня перед носом. — Вот бы Вы у нас в школе уроки вели... Или в колледже! Я бы никогда не пропускала.

— Нормативный подход к праву — это значит, что человек для государства, — раздался ровный, холодноватый голос Алои. Она стояла, грациозно склонив голову, и хлопала длинными, густыми ресницами, словно проверяя не то свои знания, не то эрудицию Лайама. — А концепция естественного права — наоборот, государство для человека. И её сформулировал Александр Вэйнсток-младший, правильно?

— Нет, юная леди, не совсем правильно, — поправил ее Лайам, и было видно, как он польщен ее вниманием. Он слегка покраснел и начал жестикулировать. — Концепции естественного права придерживался как раз старший Вэйнсток, в честь которого названа ваша улица. А его племянник был тираном, желавшим подчинить себе всех и вся. И ему, увы, это отчасти удалось. Вот он-то как раз и был ярым сторонником того самого нормативного подхода.

В этом шумном, внезапно ожившем кружке не было лишь двоих. Эльвира, получившая диплом шеф-повара незадолго до кончины отца, с моего молчаливого благословения, удалилась в свою комнату — отдохнуть от бремени новых забот. И Элизы — ибо мы с Лайамом честно признались, что являемся абсолютными профанами в столь нужных ей сегодня химии и биологии.

Когда первый девичий натиск немного схлынул, оставив после себя шелест страниц и легкое, возбужденное гудение, я предложил:

— А что, если мы покажем нашему гостю и другие уголки этого особняка? Не одной же библиотекой он знаменит!

Мы вышли в чуть сумрачный коридор, где свет из высоких окон ложился на ковер удлиненными золотистыми прямоугольниками.

— Говорят, — начал я, понизив голос до заговорщицкого шепота, желая произвести впечатление на Лайама и слегка — подразнить девушек, — в тот единственный год, когда Олденриром правил губернатор Бэлвиз, этот дом служил ему резиденцией. Он был большим идеалистом, этот Бэлвиз, мечтая привить на нашей почве семена Разума и Просвещения... И его тень, по слухам, до сих пор бродит по коридорам, являясь тем, кто получает двойки за невыученные уроки.

— А вы... вы его видели? — внезапно поймала меня за руку Аска пальцами, оказавшимися вдруг удивительно цепкими. Она, со своим легким, почти неуловимым косоглазием, пристально вглядывалась в мое лицо, полностью поверив только что рожденной легенде.

— Да... — таинственно и печально кивнул я. — Однажды. Как раз после двойки по латыни в пятом классе. Я не посмел сказать об этом отцу... И оно настигло меня вот прямо на этом самом месте. — Я указал носком ботинка на темное пятно на старинном ковре. — Видите? Вроде бы как лужа... С того самого раза и осталось.

Все дружно рассмеялись и двинулись дальше, и вскоре вошли в большую гостиную, где в углу, подобно черной лакированной горе, стоял древний рояль. Возможно, и он когда-то принадлежал семье загадочного Бэлвиза. Девушкам было строго-настрого запрещено прикасаться к инструменту — даже право протирать с него пыль Эльвира оставляла за собой, ревниво обе-

регая эту привилегию. Лайам на мгновение замер перед ним, а потом обернулся, а в его глазах читался не вопрос, а скорее предвкушение.

— Я... могу сыграть? — тихо спросил он со странной, почти торжественной нотой в голосе. Я лишь радостно кивнул, чувствуя, как в воздухе сгущается магия момента. Лайам медленно, почти с благоговением, откинул тяжелую, полированную крышку, обнажив ряд белоснежных клавиш, похожих на застывшие зубья древнего исполина.

Его пальцы коснулись клавиш, и по гостиной, нарушая музейную тишину, поплыли первые, томные и ритмичные аккорды. Это была музыка, полная южного зноя и непокорной страсти, звучащая диссонансом в чопорной гостиной на улице Вэйнстока.

И тогда из полумрака дальней арки раздался голос. Низкий, бархатный, обволакивающий, как густая ночь, и слова звучали как заклинание или пророчество:

У любви, как у птицы, крылья,

Её нельзя никак поймать.

Тщетны были бы все усилья,

Но крыльев ей нам не связать.

Все замерли. Лайам, не прерывая игры, обернулся на звук. Из тени вышла Элиза. Она шла медленно, ее прямая спина и высоко поднятая голова делали ее похожей на жрицу, исполняющую древний ритуал. Серые глаза были полны той «умудренной грусти», о которой я думал вчера.

Всё напрасно – мольба и слёзы,

И страстный взгляд, и томный вид,

Безответная на угрозы,

Куда ей вздумалось - летит.

Лайам, ошеломленный, продолжал играть, и казалось, что рояль и этот голос были созданы друг для друга, что эта музыка ждала их встречи в этой гостиной целое столетие.

— Откуда? — вырвалось у меня, и я стоял совершенно ошарашенный, пораженный до глубины души. Этот рыжий выскочка скрывал такой талант!

— Выпускная работа в музыкальной школе, — смущенно пожал плечами Лайам, его пальцы все еще лежали на клавишах. — Семь лет мучил предков. Но... потом они продали инструмент, чтобы оплатить мою учебу в университете...

— А... — я с немым вопросом перевел взгляд на Элизу, мысленно лихорадочно соображая. На наших плантациях не было ни музыкальных школ, ни даже планов по их постройке. Откуда же такая культура, такая осанка?

— У дядюшки Георга есть проигрыватель и пластинки, — тихо, но внятно объяснила Мирейя, видя мое замешательство. — Целая стопка. Он их включает по вечерам, а мы... мы подпеваем. — Она умолкла, а потом, гордо выпрямившись, добавила: — Но лучше всех получается, конечно, у Элизы.

И, словно желая это доказать, Мирейя, к ужасу моему, набрала воздуха в грудь и, сильно фальшивя, обратилась к Лайаму:

— А вы можете вот это: «Сердце красавиц склонно к измене...»?

Я резко развернулся и вышел из гостиной, в душе проклиная два роковых дня в своей жизни: тот, когда отец в последний момент передумал отдавать меня в музыкальную школу, и тот, вчерашний, когда моему гостеприимству пришла в голову безумная идея пригласить этого рыжеволосого виртуоза в наш дом.

Гнев, однако, быстро улегся, сменившись практической необходимостью. Я вспомнил, что нужно успеть, пока не стемнело, приготовить фейерверки и развести огонь в мангале, что стоял в самом укромном уголке нашего сада. Там, где густая листва старого дуба скрывала его от посторонних глаз, к нему вплотную подступала тихая, темная вода, протока могучей Суры. Это место всегда дарило мне умиротворение, и сейчас оно было мне необходимо.

И у нас получился поистине первобытный ужин. Сочная баранина, опаленная углями до хрустящей корочки. Наше молодое вино с плантаций, терпкое и яркое, словно сами губы девушек, пригублявших его из бокалов. И наши тосты, рождавшиеся тут же, под сенью наступающего вечера.

— Девы! — поднял я свой бокал, и все смолкли, повернув ко мне лица, озаренные пламенем мангала. — Так выпьем же за то, чтобы ни одной из вас не довелось встретиться с духом губернатора Бэлвиза в темных коридорах нашего общего дома!

Все весело заплодировали, кроме Эльвиры, которая лишь грустно улыбнулась, глядя на пламя.

— А я предлагаю выпить за то, — подхватил Лайам, — чтобы мой друг в скором времени разорился, выполняя свое обещание! Чтобы ему пришлось покупать рубиновый — точь-в-точь как это вино! — микроавтобус, дабы возить всех своих отличниц разом!

Хохот стал еще громче. И тогда, поймав взгляд Эльвиры, я снова поднял бокал.

— И чтобы любовь... у каждого из нас... — произнес я тише, глядя только на нее, — была такая, о которой хотелось бы слагать песни.

И словно по этому условному сигналу, Лайам склонился над первой ракетой. Раздалось шипение, и в небо, пронзая сумрак, взмыл огненный цветок, чтобы с громким хлопком рассыпаться дождем из искр.

Началось огненное веселье. Я знал, что большинство девушек никогда не видели фейерверков — в их родной деревне дядюшка Георг наложил на них строжайший запрет, панически боявшись всего, что хоть отдаленно напоминало стрельбу. И вот теперь они смотрели на небо, замороженные, с криками восторга и детского страха, подставляя искрам испуганные и счастливые лица. Лишь Эльвира, стоя чуть поодаль, при каждом хлопке вздрагивала и прикрывала уши ладонями, будто в этих звуках слышала не праздник, а отголоски иных, пугающих воспоминаний.

И ровно через пятнадцать минут, когда в небе повис самый большой и сложный фонтан искр, в саду, словно из самой тени, возникла высокая, сутулая фигура Эдмонда. Он подошел ко мне вплотную и, наклонившись, произнес тихо, но так, что холодок пробежал по спине:

— Господин Гэрральд... там полицейские.

— Господин Грэйсворд, — сухо начал лысоватый сержант, устроивший мне импровизированный допрос в моем же кабинете. В окно, разрезая уютный сумрак, прорывались алые и синие вспышки патрульной мигалки, стоявшей у самого крыльца. — Соседи сообщили, что в вашем саду компания несовершеннолетних под вашим руководством употребляет спиртные напитки. Это соответствует действительности?

Я почувствовал, как горит лицо.

— Ну... если быть совершенно точным, то да, — выдавил я.

— Так-так. Это нарушение статей 7-Б и 14-В губернаторского постановления, — он механически отбарабанил номера, доставая блокнот. — Я вынужден буду выписать вам штраф... Скажите, кроме вас, другие совершеннолетние лица участвовали в этом... мероприятии?

— Да, — кивнул я, чувствуя, как нарастает тошнотворное напряжение.

— Прошу вас, пригласите их.

Я вышел и вернулся с Лайамом, Эльвирой и Элизой. Сержант скользнул взглядом по двум девушкам, и на его лице появилось выражение глубочайшего изумления, граничащего с брезгливостью.

— Господин Гэрральд... вы что, смеетесь надо мной? — он указал пальцем на Эльвиру и Элизу. — Я спрашиваю о дееспособных. А это кто?

В этот момент в дверном проеме, привлеченная голосами, возникла тихая толпа остальных шести девушек. Они стояли, робко прижавшись друг к другу, и смотрели на происходящее

широко раскрытыми глазами. Сержант окинул их беглым, оценивающим взглядом, и его лицо внезапно просветлело, будто он нашел разгадку.

— Так... — протянул он, и в его голосе появились нотки почти что снисходительного понимания. — Только они? Это ваши... сундарки? — последнее слово прозвучало как плевок

— Да, — ответил я, — Могу показать их паспорта...

— Не надо, не надо, — сержант с легкостью отмахнулся, уже закручивая блокнот. В его глазах читалось ясное послание: «*Документы для этих — пустая формальность*». — Можете продолжать... веселье. Только, пожалуйста, без фейерверков. И потише. Приятного вам вечера, сэр Грэйсворд!

Дверь закрылась. Алый и синий свет перестали бить в окна, но в комнате повисла тяжелая, гнетущая тишина.

— Расисты вонючие, — тихо, но с такой ненавистью, что стало холодно, произнес Лайам в сторону захлопнувшейся двери.

Мы с ним всё поняли без слов. С точки зрения порядков нашего острова, несовершеннолетние энгвеоны были полноправными субъектами права, невинность которых следовало бдительно охранять от тлетворного влияния алкоголя и дурного общества. Но юные сундарки... Они были чем-то вроде дорогой мебели или породистых щенков. Частной собственностью. И с принадлежащей тебе собственностью ты волен был делать всё, что твоей душе угодно. Государство, с его лицемерными законами, давало на это полный и безоговорочный карт-бланш. И этот карт-бланш отдавал сейчас пеплом и стыдом.

— Но всё-таки, в какой-то миг я почувствовал себя обитателем исламского рая, — признался мне Лайам, пока мы на крыльце ждали такси, вызванное Эдмондом. Он отчаянно порывался пойти пешком, но я поставил ультиматум, предложив ложный выбор: либо он ночует здесь, либо едет на машине, либо я собственноручно отправлю это упрямое создание в плавание по нашей темной старице. Он избрал то, что сулило наименьшие потери. — Изысканные яства... Сад, словно сошедший со страниц восточных поэм, с таинственным водоемом. Прекрасные гурии... И Аллах в твоём лице, что ниспослал мне всё это... Если бы не эти огненные джинны, что низвергли нас с небес на грешную землю...

— Ну что ж... приходи еще. Устроим вечер более... благопристойный, — вздохнул я. После чего сунул таксисту два шиллинга — сумму, с лихвой хватавшую на ночную экскурсию по всему городу, включая поездку к Атомной станции, назвал адрес и настрого приказал не брать с пассажира ни пеньге сверх уплаченного.

И, в растерянных чувствах, побрел обратно в дом. И... стоило переступить порог, как тревоги отступили, уступая место странному, сладкому предчувствию.

— Господин Гэрральд... — голос струился негромко, бархатисто и обволакивающе, как окружавший нас теплый сумрак. И принадлежал он, конечно же, Аркентине. — Нам в колледже задали... нужно будет сделать анализ доходов и расходов реального предприятия. А... вы не смогли бы предоставить мне документы по поместью?

— Конечно, дорогая, — я взглянул на часы. До общего отбоя в нашем «пансионе» оставалось еще целых полчаса. — Некоторые — даже прямо сейчас.

Я провёл её в кабинет, усадил в своё глубокое кожаное кресло. Затем открыл массивную дверцу шкафа и извлёк оттуда папку с документами конюшни дядюшки Георга. Положил её на гладкую ореховую столешницу... и замер.

В памяти моей, яркой и внезапной, как вспышка магния, всплыли иные мгновения, прожитые на этом самом месте. Тепло Эльвиры, ее смех, шепот в полумраке... И эти воспоминания, острые и нежные, вдруг причудливо сплелись с предвкушением нового. Аркентина — вот она, совсем рядом, стоит только руку протянуть... Хотя зачем протягивать, если она сама, пусть и не ведая того, словно парусник, идет навстречу моему ветру? Я чувствовал это каждой

клеткой! И это томящее предвкушение было так прекрасно и хрупко, что хотелось воскликнуть вместе с поэтом, чьи строки мы проходили в девятом классе: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Она, точно котенок, мягко повернулась в кресле, взглянула на меня снизу вверх своими бездонными глазами и, возможно, что-то уловив в моем выражении лица, тихо спросила:

— Что с вами, господин Гэрральд?

Я вздохнул, осознавая необходимость что-то сказать, не выдав в словах этот вихрь чувств. И, как нельзя кстати, в памяти всплыли слова тётки: «Дай ей почувствовать свою нужность»:

— Это... накладные. Мне кажется, в них кроются или досадные ошибки, или... свидетельства неких махинаций. Причем на весьма крупные суммы. — Я сделал паузу, глядя в её ясные, умные глаза. — Если ты сможешь мне их отыскать... я буду невероятно благодарен.

— А когда... нужно начинать? Сейчас?

— К сожалению, только послезавтра, — сказал я, и сердце забилось чаще. — Сейчас уже поздно, да и устали мы оба. В пять часов. Здесь же.

И я с изумлением понял, что только что назначил первое в своей жизни настоящее свидание. И что отступать уже некуда.

— Хорошо, — улыбнулась она тёплой улыбкой. Её голос, бархатистый и обволакивающий, прозвучал как самое естественное продолжение этой улыбки. — Я обязательно буду.

Я не мог встретиться с Аркентиной на следующий день.

Причина была в том, что Фицджеральд Энквист — староста нашей группы, наследник состояния, в сравнении с которым моё выглядело скромно, — вдруг обратил на меня внимание. Раньше он смотрел сквозь меня, будто я был тенью от старого гимназического пиджака. Но в прошлую пятницу он подошёл первым, переложив из руки в руку блестящую трубку мобильного телефона — одну из первых на острове, стоившую, как половина моего поместья.

— Гэрральд, — сказал он, и в его голосе прозвучала снисходительная нота, которую принимают, когда хотят сделать милость. — У нас намечается одно увеселительное мероприятие. Ваше присутствие было бы весьма уместным.

Я почувствовал лёгкий трепет. Мне давно хотелось выбраться из круга, ограниченного стенами дома и обществом Лайама, познакомиться с кем-то из сверстников-энгвеонов местного, порт-сандерского общества.

— Я буду, — сказал я, но сразу вспомнил о друге. — Но только... вместе с Лайамом.

— Это исключено... — начал Элвис, вечная тень Фицджеральда.

— Почему же? — вдруг перебил его сам Фицджеральд. Его глаза блеснули холодным любопытством. — Это же пляжная вечеринка. Надеюсь, у месье Кольера есть хотя бы приличные плавки? Хотя... можно и без них. Так даже удобнее. Никто не обратит внимания.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то такое, от чего по спине пробежал лёгкий холодок. Но я уже дал слово.

— «Каменный Якорь»? — Лайам с удивлением разглядывал пригласительный, будто это была не открытка, а карта сокровищ. — Ты уверен, что там место?

Я не был уверен. Но отступать было поздно.

Вилла «Каменный Якорь» встретила нас целым миром, чужим и ослепительным. Она стояла на самом краю мыса, будто белый корабль, готовый ринуться в ночную бездну океана. Её террасы, ярусами спускавшиеся к воде, напоминали палубы броненосца, а из распахнутых окон лился не просто свет, а какое-то настойчивое, дерзкое сияние, смешанное с дикой, рвущей слух музыкой.

Внутри царил умопомрачительный хаос. Воздух был густым коктейлем из дорогих духов, табачного дыма и чего-то сладковато-горького, химического. Золотая молодёжь Порт-Сандера,

сбросив маски чопорности, предавалась вакханалии. В бассейне с фосфоресцирующей водой мелькали бледные тела, сплетённые в безразличные объятия. Чья-то дорогая туфля одиноко плавала на поверхности, как обломок с затонувшей яхты. В одной из ниш, полуприкрытой пальмой, молодая пара предавалась любви с таким публичным равнодушием, будто просто пила воду. Никто не смотрел на неё. Все были заняты собой, своими улыбками, своим смехом — громким, стеклянным, будто выдутым из тонкого хрустала.

И тут Лайам замер. Всё его существо, до этого насторожённое и собранное, вдруг затихло, будто он увидел призрак. Его взгляд, острый и цепкий, впился в фигуру в центре небольшой группы девушек. Клара Рид. Та самая, чьи стихи он цитировал на лекции, чей профиль, «достойный античной камеи», зарисовал на полях своего конспекта. Сейчас её тёмные волосы были растрёпаны, дорогое платье сползло с плеча. Она смеялась тем самым стеклянным смехом, цепляясь за рукав какого-то верзилы, а через мгновение уже позволяла другому, короткостриженному, наливать ей прямо в рот из хрустальной фляжки что-то янтарное. Её движения были развязными, взгляд — мутным и блуждающим, будто она смотрела сквозь стены, сквозь людей, сквозь саму себя.

— Камея, — тихо произнёс Лайам голосом, в котором не было ни боли, ни укора. Только холодная, почти беззвучная констатация. — Оказывается, она глина. Самая обыкновенная глина.

На обратном пути, пробираясь через густую чащу сада к калитке, мы увидели её снова. Её бледная кожа мелькала в темноте, и это было не любовью, не страстью, а чем-то пугающе механическим, жестом глубочайшего презрения — к себе, к другому, ко всему миру. Лайам резко отвернулся. Я не видел его лица, но почувствовал, как что-то в нём ломается и гаснет. Не горечь, не обида — просто пустота. Пустота человека, который годами хранил в ладонях красивую ракушку, а однажды поднёс её к уху и услышал только шелест сухого песка.

Мы ушли, не прощаясь. И никто этого не заметил. Нас будто и не было. Только океан внизу глухо вздыхал, да ветер нёс с террас обрывки того самого сладковато-горького запаха — запаха разбитых иллюзий.

Дорогой, уже на обратном пути, Лайам вдруг заговорил. Его голос был хриплым, будто он наглотался того самого химического дыма.

— Ты помнишь твой вечер? С фейерверками, фазаном... и полицией?»

Я кивнул.

— То был... образец невинности. Я сейчас это понимаю. Чистейшей, почти библейской невинности, — Он умолк, глядя на убегающие за окном огни фонарей. — Неужели *они* все такие? — спросил он уже шёпотом, и вопрос повис в воздухе, не требуя ответа. Я лишь развёл плечами. Какой мог быть ответ? Я видел то же, что и он.

Глава 5

В кабинете я был за пятнадцать минут до назначенного срока... И почему-то начал волноваться, как мальчишка. Логика в панике отступала, уступая место хаотичному вихрю абсурдных мыслей.

«Цветы! — требовал какой-то внутренний романтик. — Обязательно цветы!»

«И она тут же похвастается всем девушкам вниманием господина, — язвительно парировал трезвый циник. — И эта весть со скоростью лесного пожара долетит до Эльвиры».

«Свести её в театр!» — тут же возникла новая, «гениальная» идея.

«Но все приличные театры в этом городе — с бронзовыми табличками «Только для смуглых». Её не пустят даже в вестибюль, а мой поступок станет достоянием общественности».

«Всё равно, подарок нужен!» — настаивал разум.

«А она воспримет его не как знак симпатии, а как аванс за... определённого рода услуги, — холодно отвечало другое полушарие. — Нет уж. Не сегодня».

Эту изматывающую внутреннюю дуэль прервал знакомый, бархатистый голос, прозвучавший в дверях, — точный, словно звук клавесина:

— Простите, я не опоздала? Нас сегодня в колледже задержали... Я прибежала самой первой.

Электронные цифры темно-зеленого свечения — подарок отцу от какого-то друга-первопроходца компьютерной инженерии — показывали 17:03. Точка между часами и минутами мерцала, словно торопливое сердцебиение. Я успел разложить на столе всё, что, по моим представлениям, могло понадобиться для нашего маленького аудита: аккуратные стопки отчетов, чистые листы для вычислений, острые карандаши, ручки и даже громоздкий калькулятор. Сцена была готова. Оставалось дожидаться, когда поднимется занавес.

Она стояла передо мной вплотную, застывшая на пороге, вся — воплощение строгого колледжского устава. Темно-синий форменный жилет, облегаящий стан, такая же аккуратная юбочка из грубоватой ткани, не достававшая до колен ровно настолько, чтобы пробудить воображение. Белая блуза. А ножки... несмотря на субтропический зной, они были скрыты тончайшими чулками телесного цвета, от которых веяло не просто форменным требованием, а какой-то особой... тайной?

Конечно, я бы и сам мог за пять минут отыскать эти нестыковки — будь то досадные оплошности или сознательные приписки в счет-фактурах на корма и упряжь... Но какое это было наслаждение — сидеть напротив и наблюдать за серьезностью, с которой она, по сути, еще девочка, пыталась докопаться до истины. Слушать ее проникновенный, бархатный голос, размеренно диктующий цифры, было сродни музыке. Следить за длинными, изящными пальцами, порхавшими по клавишам калькулятора и тут же выводившими на бумаге четкие, каллиграфические цифры карандашом.

И вот — кульминация. Ее брови, светлые, тонкие и томные, внезапно взметнулись вверх от изумления.

— Итого должно быть сорок одна крона, девять шиллингов и семь пенни, — отчеканила она. — А выставлено ровно на шесть крон больше. Это в июле. Но я вижу, что и в августе... ситуация, мягко говоря, не улучшилась. Хотела бы я взглянуть на сентябрьскую фактуру.

— Я тоже, Аркентина. Я тоже, — откликнулся я, сдерживая улыбку.

Она заходила по кабинету, и мне открылось новое, столь же прекрасное зрелище — трагедия «Аркентина в гневе».

— Разве они не могли пересчитать это несколько раз? У них же наверняка есть калькулятор! — она разводила руками, оставаясь удивительно спокойной, но в ее глазах плясали огоньки праведного негодования. — Но кто у нас подписал эту фактуру? Дядюшка Георг? А,

тогда понятно... Он дважды два — и то с трудом, а уж перевести пенге в шиллинги... — она выразительно замолчала.

— Вот для этого мы тебя и учим, — мягко вставил я. — Нам отчаянно нужен человек, который сможет с первого взгляда видеть подобные «неточности». Как ты. — Оценив, как вспыхнули ее глаза от этого маленького комплимента, я продолжил, понизив голос: — А не может ли быть так... что это сговор? Поставщика и... покупателя? Они договорились вписать в фактуру завышенную цену, а разницу... поделить между собой?

— Но это же... самое настоящее воровство, — прошептала она, и в ее глазах читался ужас от столкновения с подобной подлостью.

Я кивнул, становясь строгим и деловым.

— Пока... никому ни словом об этом. Эта информация нуждается в тщательной проверке. Лучше всего обратиться к специалистам. Ты поедешь со мной. Прямо сейчас.

И, не дав ей опомниться, переодеться или хотя бы проглотить кусочек ужина, я взял ее за руку — легкую, почти невесомую — и повел к выходу из дома, бросив на ходу появившемуся в коридоре Эдмонду:

— Ключи от машины! Мы с Аркентиной — за срочной консультацией к адвокату.

Но контора «Самуэльсон и партнёры», верой и правдой служившая нашей семье не одно десятилетие, уже закрывалась. Секретарь, встретившая нас на пороге, смотрела с таким сожалением, будто я опоздал на собственное венчание.

— Мне ужасно жаль, господин Гэрральд. Я и сама могу опоздать на срочное судебное заседание. Наш клиент попал в весьма щекотливую историю. Давайте... завтра утром? Или вы заедете после университета?

Если честно, мне сейчас были не нужны советы, что делать с этой бухгалтерской махинацией. Но под этим благовидным предлогом я оказался в самом сердце города, полного манящих огней, — с девушкой, которая неудержимо влекла меня. Но... как я уже говорил, Порт-Сандер был столицей самых отъявленных расистов Империи. В их глазах Аркентина была «неполноценной», не имеющей права дышать одним воздухом с «приличными» людьми. О чем недвусмысленно кричали таблички на дверях изысканных кафе и магазинов: «Вход с собаками и сундарами запрещён».

Единственным местом без этого позорного клейма был огромный торговый центр одной общеимперской сети — той, куда господа часто отправляли своих слуг за покупками. Мы зашли внутрь, и ее глаза округлились от изумления.

— О, чудо! Эскалатор! — прошептала она.

А для меня это был лишь повод с деланно-беззаботной улыбкой крепче взять ее за плечи и подтолкнуть на эту движущуюся, извивающуюся стальную змею. Ответный легкий испуганный вздох был слаще любой музыки. Наверху, в благоухающем парфюмерном отделе, я дал ей прийти в себя.

— Помоги, нужно выбрать духи, — сказал я, делая вид, что изучаю хрустальные флаконы.

— Кому? — спросила она, и в ее бархатном голосе прозвучала легкая настороженность.

— В подарок. Очень хорошей и красивой девушке. Она... немного младше меня. Мы с ней... вместе учимся. — Я сделал паузу для драматизма. — Мне кажется, что она умная и добрая. И я бы хотел произвести на неё впечатление.

Было забавно и одновременно трогательно наблюдать, как в ее глазах, широко распахнутых, рождаются и гаснут капельки разочарования, обманутых надежд, мимолетной, но острой ревности...

— Как же я узнаю... какие ей нравятся? — пробормотала она, опуская взгляд.

— Мне кажется, что её вкус... полностью совпадает с твоим. Вот прямо абсолютно. — Я наклонился чуть ближе и уже совсем тихо добавил: — Я бы даже сказал так: у этой девушки — твой вкус.

Она замерла, и лицо её озарилось изнутри таким счастливым, безудержным пониманием, что стало почти больно смотреть. Её пальцы, тонкие и нервные, заскользили по хрустальным флаконам, будто прикасаясь к незримым струнам. Она вдыхала ароматы, закрывая глаза, и на её лице проступала целая гамма чувств — от смущенной сосредоточенности до мимолётного восторга. Вот она отложила один флакон — слишком резкий, цветочный, вот другой — слишком сладкий, приторный. А потом её пальцы нашли его — небольшой, изящный, с золотистой жидкостью внутри. Она сняла крышечку, поднесла к носу, и её глаза, закрытые до этого, вдруг широко распахнулись. В них вспыхнуло узнавание, удивление и что-то сокровенное, личное.

— Этот, — прошептала она, и её бархатный голос дрогнул. — Он пахнет... летом. Теплой кожей, солнцем на траве и... спелой дыней. Сладкой, сочной. Как будто в самый знойный день заходишь в прохладный погреб, где с полок на тебя смотрит это золотое чудо.

Она говорила больше с собой, чем со мной, и в её словах было столько искреннего, наивного волнения, что сердце моё сжалось.

— Да, — тихо согласился я, наблюдая, как её щёки заливают лёгкий румянец. — Он идеален. Именно таким я его и представлял.

— Спасибо! — выдохнула она, и в этом шёпоте звучало не просто счастье, а целое откровение, будто ей подарили не духи, а ключ к чему-то давно желанному и запретному.

Она прижимала флакон к груди, словно хрустальную слезу, пойманную на лету, а в её бархатном голосе звучало такое трепетное счастье, что сердце моё дрогнуло.

— Ну... я же должен иногда делать тебе подарки, — усмехнулся я, заводя мотор. — Иначе... как я смогу вывести этих мошенников на чистую воду без своей главной помощницы?

Мы сели в кабриолет и понеслись в сторону, противоположную закату — туда, где городская суэта растворялась, уступая место простору. Впереди, перекинувшись через темные воды Суры, выгибалась мощная дуга огромного автомобильного моста, связывавшего Порт-Сандер с поселком Атомной станции. Повинуясь внезапному порыву, я забыл о всех правилах и притормозил прямо на его середине.

— Говорят, здесь очень страшно стоять, когда мимо проходит тяжелый грузовик. Мост дрожит, кажется, что вот-вот провалишься в бездну. Проверим?

Она стояла рядом, опершись о перила, но смотрела не на меня, а на открывающуюся панораму: на бескрайнюю пойму с заливными лугами, на исполинские градирни станции на том берегу, на крошечные колесные паровоходки, копошившиеся далеко внизу. Склонившееся к горизонту солнце окрасило ее волосы в нежный, золотисто-розовый цвет, и она казалась существом из иного, прекрасного мира.

Мимо с ревом пролетел грузовик, водитель которого отчаянно сигналил, возмущенный наглецом, бросившим кабриолет у обочины. Мост под ногами содрогнулся, передавая нам вибрацию его могучего хода.

— Нет. Не страшно, — честно призналась Аркентина, повернув ко мне свое озаренное закатом лицо. — Я думала, будет... ну, как когда с водопада в Грэйсворде прыгаешь. Задышаешься от восторга.

Я с улыбкой посмотрел на нее. Потом — на темную, почти черную бездну воды под нами.

— Значит, тебе не хватает острых ощущений?

«Всё равно этого не избежать, рано или поздно... так уж лучше сейчас», — пронеслось в голове, и я, не дав ей опомниться, просто обнял ее за плечи, повернул к себе и... поцеловал.

Не знаю, сколько это длилось. Мимо, сотрясая мост, промчалась еще пара возмущенных грузовиков. Солнце окончательно скрылось за холмами Амарила, и в небе зажглись первые, самые смелые звезды.

— Вы... вы... — начала она, задыхаясь, и в ее голосе смешались возмущение, испуг и безудержное восхищение. Нужное слово ни к одному из этих чувств так и не подбиралось.

«И все-таки... сказать? Или это будет... обманом?»

И главные, решающие слова, которые ждет от мужчины любая девушка, я в тот вечер так и не решился произнести. Они застряли комом в горле, оставив на душе и сладкую горечь, и щемящую надежду, и тягостное чувство вины за эту украденную у сумерек нежность.

Вернулись мы затемно, пропустив общий ужин. Но для нас, как по волшебству, у Эльвиры нашлись в тёплой печи два припрятанных кусочка запечённой индюшатины. Не фазан, конечно, но от его золотистой корочки и нежного аромата на душе сразу становилось теплее. Мы устроились в столовой при свете одной лампы, и в тишине, нарушаемой лишь звоном приборов, закрутился странный хоровод взглядов: Аркентина украдкой поглядывала на меня, я — тайком ловил её взгляд, а Эльвира, сидевшая напротив, смотрела на нас обоих, и в её прищуренных глазах читалось спокойное, безрадостное понимание.

Вскоре Аркентина, сославшись на усталость, удалилась в свою комнату — переодеться и, наверное, разобраться в новых для себя чувствах. Я же направился в кабинет — под предлогом привести в порядок документы, но втайне надеясь привести в порядок собственные смятенные мысли, гудевшие, как растревоженный улей.

У двери кабинета меня поджидала Эйлин. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, и её лицо светилось важностью носителя сенсационной новости.

— Господин Гэрральд! — выпалила она с интонацией заслуженного чемпиона по ябедничеству. — А Мирея сегодня опоздала!

— Не беда, Эйлин, — отмахнулся я. — Вы все сегодня задержались в колледже, я в курсе.

— Но Мирея задержалась не в колледже! — торжествующе прошептала она, подходя ближе. — Её не было на общем собрании! В это время она... она гуляла с мальчиком! С юношей! — Эйлин заговорщицки прикрыла рот ладошкой. — Высокий, стройный... Волосы тёмные, но не как у вас... — она на мгновение с восхищением посмотрела на мои волосы, затем, крутя кончик своей длинной белой косы, заключила: — Нет, всё-таки светлее. Он из метисов. Учится с ней вместе. И проводил её аж до нашего дома! Я сама видела!

— Что именно ты видела, Эйлин? — спросил я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Я сидела на балконе, — с гордостью объяснила она. Её комната была счастливым исключением — она выходила в ордер, между колоннами которого ютился просторный балкон, нависавший прямо над парадным крыльцом. — И видела, как он подвёл её к нашему крыльцу, сказал что-то хорошее, тихое... и поцеловал. В щёчку. А потом она помахала ему с крыльца ручкой, и он, уходя, аж три раза оборачивался! На наш дом!

Она рассказывала об этом с таким наивным, почтительным восторгом перед этой запретной романтикой, и в её голосе звенела не злорадная сплетница, а затаённая, сладкая зависть к старшей подруге, которой выпала такая сказочная удача. Но на всякий случай я прошёл в комнату привратника и взял толстый, засаленный журнал, в который дотошный Эдмонд вот уже третье десятилетие вносил время входа и выхода всех обитателей особняка и его гостей. И нашёл-таки злополучную запись: «17.45 — Мирея».

— Что делать-то будем, Эльвира? — сдавленно спросил я, вернувшись в кабинет и обращаясь к ней как к самому старшему и, пожалуй, самому здравомыслящему человеку в доме. — Сегодня одна... завтра другая... а послезавтра... все?

Эльвира, уже посвящённая в эту тайну, сидела на диване и смотрела на меня. Но не с упреком, а с какой-то странной, усталой лаской в глазах, готовой простить всё на свете.

— Говорите, он её поцеловал? — тихо переспросила она, и в её голосе прозвучала странная, отстранённая улыбка. — А вы... её?

Я сделал вид, что не понял. Она отвела взгляд и вздохнула, прошептав одно-единственное имя, которое прозвучало как приговор:

— Аркентина. Это ведь была не просто поездка к юристу? Вас тоже долго не было... И потом... вы смотрите на неё иначе.

В углу её глаза, на предательском свете лампы, проступила и заблестела маленькая, едва заметная слезинка. Она смахнула её одним стремительным движением пальца.

— Простите, господин Гэрральд, — голос её дрогнул. — Я, наверное, сама всё себе придумала. А вы ведь мне с самого начала ничего не обещали... кроме того, что действительно выполнили. Спасибо вам... хотя бы за это.

Она поднялась с дивана, и в её движениях была внезапно найденная твёрдость.

— Но здесь... здесь я вам не подсказчик. Хотя... — она на мгновение задумалась. — Может, для начала просто выслушать саму девочку?

Я ушёл в свою комнату, словно в пещеру, спасаясь от собственных мыслей. Город за окном погрузился в непривычную, почти абсолютную тьму — на улице Вэйнстока почему-то выключили все фонари, и сквозь стекло проступала лишь бархатная, беззвёздная чернота. Раздевшись, я повалился на постель. Усталость, накопившаяся за этот долгий, наполненный до краёв день, накрыла меня с головой, и я почти сразу провалился в тяжёлый, беспросветный сон.

Мне не снилось ничего. Был лишь тёплый, густой мрак, в котором я плавал, как затонувший корабль. И сквозь эту толщу до меня донесся скрип — тихий-тихий, будто мышка пробежала по половицам. Потом щелчок, и в комнату упала тонкая, приглушённая полоска света из коридора, разрезав темноту подобно бритве. Она тут же исчезла, смытая обратной тьмой, но за этот миг я успел увидеть силуэт в проёме. Девушка. Высокая, стройная, с распущенными волосами.

В тишине, звенящей после скрипа двери, послышался лёгкий шорох — словно шёлковый покров соскользнул на пол. Потом — лёгкий шаг, ещё один, и край одеяла приподнялся. В мою постель вплыла прохлада ночного воздуха и... она.

Она прижалась ко мне всем телом — гибким, гладким, пахнущим ночным ветром и чем-то неуловимо знакомым, сладким, как спелая дыня. Я онемел. Мыслей не было, лишь ощущение: лёгкий озноб по коже, стук собственного сердца где-то в горле и это тёплое, живое существо рядом. Я не видел её лица, лишь чувствовал её дыхание на своей шее, касание длинных, тонких пальцев.

Всё произошло стремительно, словно мы боялись, что нас застанет рассвет... Это был безмолвный, стремительный порыв, яркая и горькая, как глоток крепкого вина, вспышка во тьме. Она была удивительно... умелой. Слишком умелой для невинного первого раза. И в самый пик этого странного, почти мистического действия, когда комната перестала существовать, в голове, словно укол холодной иглой, мелькнула мысль: «Я у неё не первый». Но тут же, обняв её уже ослабевшими руками, я нашёл оправдание. «С другой стороны, она мне ничего такого и не обещала», — подумал я с какой-то усталой покорностью судьбе.

И словно уловив эту мысль, она вся напряглась, а затем, одним плавным, уверенным движением, выскользнула из моих объятий. Я услышал, как шелестит шёлк — она накинула свой халатик. Легкие, почти неслышные шаги по ковру... Тихий щелчок двери. Она исчезла так же бесшумно, как и появилась, оставив меня одного в полной темноте, в воздухе, где ещё витал её терпкий, дынный аромат, и в душе — сладкое, но щемящее чувство недосказанности. Я повернулся на бок и, убаюканный этим странным сном наяву, снова уснул.

Утром, в столовой, залитой солнцем, мир казался простым и ясным. Аркентина, свежая, как утренний цветок, сидела напротив, аккуратно разламывая свою булочку, и улыбалась мне своей обычной, чуть смущенной улыбкой. Я ответил ей взглядом, полным безмолвного пони-

мания вчерашней тайны Она улыбнулась в ответ — мило, открыто, но... в её глазах я не увидел и тени того интимного понимания, того стыдливого секрета, который должен был бы там быть. Лишь обычную, чуть смущённую приветливость.

В этот момент из буфета вышла Эйлин, потягивая воздух носом, как гончая.

— Аркентина, ну что за дивный запах! — звонко воскликнула она. — Поделись, умоляю! Ты вчера всех в коридоре им опьянила, когда вернулась!

Навсикая, аккуратно размешивающая чай, тихо добавила:

— Да, вчера в комнате был такой тёплый, сладкий аромат... Как будто лето в кувшине.

Аркентина смущённо улыбнулась, доставая из кармана форменного жилета тот самый изящный флакон.

— Конечно, — сказала она, и в её голосе звучала тихая, счастливая гордость. — Вот, берите.

Флакон переходил из рук в руки. Мирея, сидевшая рядом, брызнула каплю на запястье, вдохнула и закрыла глаза с блаженной улыбкой. Аская, наливая чай, тоже украдкой потянула носом воздух, и на её лице мелькнуло что-то сложное, быстрое, как тень.

— Пахнет сказкой, — прошептала Мирея. — Словно летняя ночь.

И тут ледяная волна прокатилась по моей спине, сжимая горло. Всего один флакон. Им хватило на всех. Она поделилась. Она щедро, как и полагается счастливой обладательнице драгоценности, угостила подруг этим ароматом — этим запахом спелой дыни, что теперь витал не только на её коже, но и на коже других... В том числе той, что пришла ночью. Эта простая, бытовая деталь — общие духи у девушек в тесном пансионе — обрушилась на меня с ясностью лезвия. Аромат, который я считал её уникальным следом, её невербальной исповедью, оказался... общим достоянием. Связующей нитью, которой могла воспользоваться любая.

Я отвернулся к окну, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Это была не она. Но кто же? С этой горькой и сладкой загадкой, с ощущением призрачного касания, которое уже начинало казаться сном, я вышел из дома и уехал в университет, оставив за спиной особняк, полный прекрасных, неразгаданных тайн, одна из которых теперь касалась меня самым что ни на есть прямолинейным и запутанным образом.

Конечно, я и не подумал бы посвящать Лайама в ночные происшествия в особняке. Объяснять ему запутанные нити замысла тетушки Агнессы, в которых «ночная барщина» переплелась с учебными планами, показалось мне делом и безнадежным, и постыдным.

Но на сей раз инициатива исходила от него самого — он, к моей радости, неожиданно сам предложил навестить меня. Мы как раз выходили из университета, когда он вдруг остановился и, глядя куда-то поверх крыш, задал вопрос, показавшийся мне диким:

— Скажи, а в этом твоём дворце есть подвал? — и в его голосе прозвучала не праздная любознательность, а сдержанная деловитость.

— Да, конечно, — неуверенно пожал я плечами. — Но, честно говоря, я был там всего-то пару раз. А что?

— В некоторых узких кругах циркулирует одна любопытная теория, — уклончиво пояснил он. — Хочется проверить лично. А старых зданий, кроме твоего, поблизости не найти. Чисто научный интерес.

Я ухватился за этот предлог, как утопающий за соломинку. Мысли о ночной гостье и бухгалтерских махинациях отступили перед простой и ясной перспективой — снова заполучить друга в гости, накормить его и окунуться в совместную авантюру.

Его догадки подтвердил Эдмонд, доставая из связки тяжелый, почерневший ключ:

— Подвал есть, — подтвердил он. — Но он основательно засыпан. Почти по самый свод. Убедитесь сами, господа.

Неприметная низкая дверца под лестницей, ведущей в мои покои, скрипнула, открывая путь в каменное нутро дома. Пространство внизу оказалось тесным и низким, приходилось перемещаться в три погибели, ежеминутно рискуя удариться головой о свисающие чугунные трубы. От одной из них донёлся вдруг глухой булькающий звук — видимо, Эльвира запустила на кухне посудомоечную машину после обеда. Воздух был спёртым, с запахом сырости, пыли и чего-то ещё — сладковатого и затхлого. Скудный свет едва пробивался сквозь засыпанные почти до верха землей окошки-бойницы, выходившие во внутренний двор. Именно на них сразу указал Лайам:

— Смотри! Забиты грунтом. И подоконников не видно. Значит, надо копать.

— Прямо сейчас? — невольно вырвалось у меня.

— Ну, переодеться бы, конечно, — он окинул мой университетский костюм насмешливым взглядом. — Раздобыть вёдра, лопаты. И решить, куда во дворе выносить грунт. Или у тебя на сегодня есть планы поважнее?

Его решимость оказалась заразительной, сметая прочь все мои намерения — и вновь ворошить конюшенные счета с Аркентиной, и распутывать клубок ночного визита, и даже открывать очередной фолиант по экономике.

Так, в пыльном полумраке, началась наша с Лайамом частная археологическая экспедиция в недрах моего собственного дома.

Четыре часа упорного труда не прошли даром. Мы с Лайамом, покрытые липкой глиной и потом, стояли перед плодами наших усилий — в полумраке подвала зияла вырытая яма, обнажившая ещё две каменные ступени, уводящие в непроглядную, засыпанную землей тайну.

Лайам, прислонившись к черной от влаги стене, вытер лоб рукавом и с усмешкой в голосе бросил:

— Тебе ведь и самому это нравится, не так ли?

Я не стал отрицать. Азарт раскопок, это почти детское чувство ожидания чуда, стучавшее в висках в такт ударам лопаты о грунт, было куда честнее всех моих университетских упражнений.

— Ну, а как же, — ответил я, глядя на застывшую в земле лестницу. — Ты ведь видел наш фамильный герб?

Творение какого-то провинциального мастера, оно красовалось в холле особняка. На полированном щите гордо стоял на задних лапах упитанный барсук. В одной его передней лапе он с видом неумолимого труженика сжимал не меч или скипетр, а самую что ни на есть штыковую лопату. А внизу, на развевающейся девизной ленте, алела надпись на латыни: «**Fodere ad veritatem**» — «Копай до истины».

— Видел, — хмыкнул Лайам. — Впечатляет.

— Он всегда был предметом моей тихой гордости, — признался я, глядя на заступ в своих руках. — Хотя я до сих пор не уверен, был ли этот герб когда-либо официально утвержден где-либо, кроме нашего холла. Возможно, какой-то чудак из моих предков просто заказал его местному художнику, и с тех пор он так и висит. Но сейчас... Сейчас, кажется, в его безумии есть свой резон. Может, все Грэйсворды были рождены для того, чтобы копать. В прямом и переносном смысле.

Лайам разглядывал влажные ступени, уходящие в таинственную глубину, его взгляд был устремлен вниз, будто пытался пронзить взглядом толщу земли.

— Но на сегодня, пожалуй, хватит. Руки отваливаются.

Я, весь в засохшей грязи, с ноющей спиной, мог только согласиться. Усталость накатила внезапно и приятно, как морская волна.

— Может, сауна? Или бассейн? — предложил я, вспомнив о благах цивилизации, которые Эдмонд, я был уверен, уже приготовил с свойственной ему безупречной аккуратностью

— Пожалуй, ограничусь душем, — отозвался он, и в его голосе слышалось искреннее изнеможение.

Вскоре он, переодевшись, удалился — на сей раз пешком, сославшись на необходимость размять затекшие суставы.

Я же остался один на один. Сидя в сауне, укутавшись в мягкую хлопковую простыню, я пытался расслабиться, но мысли, разбуженные раскопками, не желали утихать. «Ну, даже если мы ничего не найдём, — строил я планы, с упорством, достойным нашего геральдического барсука, — под этими сводами можно будет устроить отличный тренажёрный зал. Или бильярдную. Трубы, конечно, придётся спрятать...» Но тут же, словно назойливые мошки, в голову залетели другие, куда более сложные загадки — тёмные делишки на конюшне и прозрачный образ ночной гостьи. Эти тайны были куда менее податливы, чем грунт в подвале.

Впрочем, судьба, казалось, решила сжалиться и дать ответ хотя бы на один вопрос. Дверь в предбанник я оставил незапертой — в уверенности, что никто не посмеет нарушить моё уединение. И всё же, сквозь шелест раскалённых камней, я отчётливо услышал мягкий щелчок. Затем — приглушённые шаги и сдержанный шорох снимаемой одежды. Кто-то был там. И этот кто-то явно шёл ко мне.

Аская. Она была закутана в белую простыню, и сквозь тонкую ткань угадывался чёткий, хрупкий силуэт её фигуры. Влажные пряди светлых волос прилипли к её вискам, а светлые, почти невидимые в сумерках брови были подняты в тревожном вопросе.

— Простите, господин Гэрральд, — её голос прозвучал глухо, нарушая целебную тишину сауны. — За всё. И за мою бестактность сейчас, и за... ночное вторжение. Но если бы вы выслушали, то, возможно, поняли бы.

Я был полностью обезоружен этим прямым натиском. Вместо гнева или упрёка я лишь молча кивнул на деревянный полоч рядом с собой. Она сделала шаг вперёд, в густой, обволакивающий жар, губы её уже готовы были излить исповедь, но я мягко поднял руку, прижав палец к собственным губам. «Тише», — говорил этот жест. Внезапно мне страшно захотелось продлить этот миг тишины и тайны.

Пока она сидела, покорно сцепив тонкие пальцы на коленях, я украдкой, с холодноватым эстетическим наслаждением, принялся изучать её. Простыня, обернутая вокруг тела, выхватывала из полумрака линию плеча, изгиб бедра. Она сидела неподвижно, но каждый её вдох был отчётливо виден, и сквозь тонкую ткань угадывалось напряжённое, живое тепло.

И глядя на неё сейчас, на эту замкнутую, хрупкую фигуру в клубах пара, я невольно вспомнил. Другие девушки, как я успел заметить, в основном её... недолюбливали. Неприязнь, граничащая даже с чем-то вроде брезгливости. Особенно в этом отличалась Эльвира — её взгляд, скользивший по Аскае, всегда был сух и холоден, будто она видела в ней нечто чуждое, несущее смуту. Элиза, наша начинающая медсестра, пожалуй, была единственной, кто проявлял к ней какое-то участие, но и то — осторожное, профессиональное, как к трудному пациенту. Аркентина и Алоя держались в стороне, их нейтралитет был почти что равнодушием — слабым, но ощутимым барьером. Причины этого странного отчуждения были для меня загадкой, но сейчас, в этой жаркой тишине, они казались ещё одной тёмной нитью в клубке тайн, опутавших особняк.

Да, это была она. И в этом знании была странная смесь разочарования и возникшего вдруг острого интереса.

Мы вышли, наконец, в прохладу комнаты отдыха, где воздух пропитался кедром и тишиной. Аская, опустившись на мягкий диван, сжала в руках край своей простыни. Её пальцы слегка дрожали.

— Я... боюсь, — выдохнула она, и это простое признание прозвучало куда искреннее любой пространной речи. В её глазах, обычно смотревших сквозь стены, теперь читался чистый, неприкрытый страх.

— Кого... или чего? — спросил я, понизив голос до доверительного шёпота. — Говори, здесь никто не услышит.

Я с уверенностью окинул взглядом стены, обшитые кедром — эта комната была надёжным сейфом для секретов.

— Я знаю... — она прошептала в ответ, и в её голосе послышалась стальная нить решимости. — Именно поэтому я пришла сюда, а не в ваш кабинет. Поверьте, я слышала всё, о чём вы говорили с Аркентиной. Про накладные... И могу рассказать ещё больше.

И её слова полились тихим, горьким потоком. Она говорила о дядюшке Георге, и каждое слово обнажало новую рану.

— Именно из-за него вы не стали моим первым мужчиной, господин Гэрральд, — голос её сорвался, превратившись в стон. — Он... заставил меня...

Она не смогла договорить, разрыдавшись, и положила мокрую от слез голову мне на плечо.

— Только вы... вы мне сможете помочь. И никто другой.

Я слушал её голос, полный отчаяния, и чувствовал, как внутри меня закипает холодная, целенаправленная ярость.

— Ты... ты хочешь, чтобы его наказали?

— Да... — её шёпот был едва различим. — Если только вы это можете. Поверьте... я буду очень благодарна... Вы даже не представляете, как...

Я вновь посмотрел на неё. Значит, тот ночной визит, её странная, опытная уверенность... Всё это было молчаливой расплатой за будущую услугу? Авансом, выданным в счёт грядущего возмездия? Неважно. Теперь к финансовым махинациям прибавилось нечто большее — насилие над беззащитной.

Проводив дрогнувшую девушку до её комнаты, я направился в кабинет. Тишина была звенящей. Я набрал длинный номер, и, хотя час был поздний, в конторе управляющего трубку взяли. Голос Филиппа, помощника дядюшки Георга, прозвучал настороженно.

— Я хочу видеть дядюшку, — сказал я ровным, лишённым эмоций голосом. — Дня через два. Пусть возьмёт с собой с десяток лошадей, которых собирался продать. И приезжает в Порт-Сандер.

Я сделал паузу, глядя на ночной город за окном, давая словам обрести нужный вес.

— И скажите ему, что он наконец-то получит всё, что заслужил. В полной мере.

Глава 6

Утро, субботнее, безмятеж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.